

СМЕНА

11

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВА“

Штурм Турецкого вала. Рубленый ярус. Фрагмент панно «Штурм Перекопа». Художник: автор Г. Савицкий, советник И. Хриселене.

М. В. Фрунзе.

«И снова бой. От дымного пороха Не убежишь, не уйдешь назад. Ровнячи вперемешку с Чернышами, Рассказы ожившие. Гудит повар, и вступил голосный. Э. Варацкий».

Давно уже стихла канонада. Агрессивная и твердая Переконна и Чонгара, а все еще доносится до нас горючее дыхание тех смурных ноябрьских дней... С волнением читаем мы скучные строки фронтовых приказов, доносчиков, телеграмм, рассказы очевидцев. Все ярче, отчетливее встает перед глазами картина грозных сражений, раздвигавшихся осенью 1920 года у ворот Крыма.

ГОРЯЧИЙ ВЕТЕР ПЕРЕКОПА

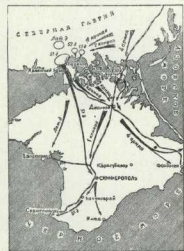
Крым был последним убежищем Врангеля. Летом, в самый напряженный момент борьбы с белополяками, отсюда, из Крыма, выследились полчища «черного барона». Врангель угрожал Демабэцу, тототиле сорвать начавшееся наступление на польском фронте.

Надо было во что бы то ни стало уничтожить Врангеля! По блестяще разработанному Ставским стратегическому плану, героине, сия Красная Армия начала наносить Врангелю сокрушительные удары. Стремительной лавиной надвигались разрозненные врангелевские части на юг, к Черному морю.

К вечеру 3 ноября армии Южного фронта, которыми командовал выдающийся пролетарский полководец Фрунзе, уже стояли вплотную у берегов Сиваша.

Началась подготовка к штурмовым боям. Вата Крым была не так проста. Черное море бороздили врангелевские суда; на востоке простирался болотистый Сиваш. Два моста, соединившие Крым с Чонгарским полуостровом Северной Таврии, были взорваны бойцами при отступлении. Мощные бетонированные укрепления игнорировали доросу со стороны Чонгара. Достиг с севера сторожила громада Перекопа. Еще во времена Крымского ханства здесь во всю ширину перешился был возвыснут огромный земляной вал, вы-

сотой до 80 метров. С вершин этого вала отлично видна была вся равнина, лишенная укрытий местность. Перед валом тянулся глубокий ров. Турецкий вал и составлял центр перекопских укреплений, сделанных по последнему слову тогдашней фортификационной техники. Несколько рядов окопов с проволочными заграждениями и блиндажами, многочисленные пулеметные гнезда,

Общая схема атаки Перекопа. Южный и Чонгарский 7-11 ноября 1920 года и Чонгарский бои.

минометы, наконец, мощные дальноточные орудия—неструдно представить всю силу огневого шквала, который должен был обрушиться на наступающего.

И действительно, все штурмы подвигали адский вой, едва только части 51-й дивизии бросались на штурм Турецкого вала. Пулеметы билих косяки смердячков, пытаншихся подойти ко рву. Перед валом стояла сплошная огненная завеса. Два раза красивые бойцы пытались атаковать вал и оба раза были остановлены силой смертоносного огня. Но в этот день (8 ноября) наши части, осуществив задуманный Фрунзе план операции, уже зашли в тыл противника и теперь дрались с белыми на Литовском полуострове. Навязуя, темной, беззвездной ночью, через густого тумана, шли вброд через Сиваш штурмовые колонны бойцов. Было холодно, ледяная соленая вода пробиралась в сапоги, пошла по телу. Бронки, шипели промерзали, стали точно железными. Греть приходило к колонам орудий. С трудом вытаскивая ноги из густой, липкой грязи, то и дело проваливаясь по шее в ледяных болотах, шли в абсолютном молчании тысячи отважных бойцов к Литовскому полуострову. Под свинцовым ливнем они выступили на высокий берег, где были разосланы укрепления белых, героическим натиском выбили противника из окопов и начали теснить его ряды.

Жесткий бой на Литовском полуострове не утихал весь день, а к ночи (на 9-е) начался последний и решительный бой у подступов громады Турецкого вала. Более сотни орудий и свыше 400 пулеметов открыли убийственный огонь по наступающим. Стояла туманная, дождливая, грязная земля. Сбившую аубу, собрав в железный комок все волю, крашеварники упорно лезли вперед по крутому скату вала. Многие бойцы сложили здесь свои головы, но вешка была сила революционного полка. На место погибших вставали их товарищи, штыками и карточкой они прокладывали путь к победе. 9 ноября, около 3 часов ночи, коммандующий Южным фронтом Фрунзе получил донесение о том, что Перекон взят!

Но предостало еще не менее суровые бои: под Чонгаром, Юбульце. И эти тыловые, казавшиеся несприятельным, бои. Участь врангелевщины была решена. Спустила два дня в свих воспоминаниях тов. Фрунзе писал:

«Победа, и победа блестящая, была одержана по всей линии. Но досталась она нам дорогой ценой. Кровавою десяти тысячью наших сынов оплатили разбойный класс и крестьянство своей насолацией, смертельным ударом контрреволюции. Революционный лотыя оказался сильнее соединенных усилий вражеской техники и смертоносного огня.

Память об этих десяти тысячах красных героев, легинов и входов в Крым за рабоче и крестьянское дело, должно быть вечно свежа и жива в сознании всех трудящихся...»

На обложке: в Артиллерийском музее (Ленинград). На обороте обложки: крейсер «Аврора» на Неве в дни празднования годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Фото Н. Штерцера.

ШКОЛА В ЛЕСУ

Текст В. Гарбарев. Фото И. Зулермана

У небольшого раз'езда Обнинское, неподалеке от Малого Ярославца, в лесу, среди белоствольных берез, разбросано несколько зданий с эмалевыми крышами. Это средняя школа имени Станислава Теофиловича Шацкого, известного русского педагога, который долгие годы здесь работал.

Обычно в выходной день на раз'езде Обнинское из поезда выходит несколько пассажиров, которые тут же сворачивают на лесную дорогу, ведущую к школе. Сразу видно, что все вокруг им хорошо знакомо.

И действительно, они словно дома. Здесь проходили их детские и юношеские годы, здесь, в школе имени Шацкого, они учились, все им здесь дорого и мило. Вот и просят они сюда, чтобы отдохнуть, почитать своих старых педагогов, помочь в занятиях и работе школьникам, живущим в интернате.

Многие бывшие ученики школы имени Шацкого говорят, что всю жизнь они с чувством глубокой благодарности будут вспоминать свою школу. Она научила их любить труд и на практике применять полученные знания. Воспитанники этой школы смело вступают в жизнь, и в рядах Красной Армии, и на заводах и фабриках, и в вузах — всюду они чувствуют себя полезными людьми, уверенными в завтрашнем дне.

В школе имени Шацкого учащиеся привыкают трудиться. Многие они умеют делать своими руками.

Пол верандой бывшего барского дома, в котором сейчас помещаются школьный интернат, расположен гараж. По вечерам сюда приходит школьники — члены электрокружка. Они изучают мотор, учатся ремонтировать машину и управляют ею. Помогает им в этом механик Осип Иванович Акеенов. Осип Иванович сфотографирован вместе с Нюрой Козаковой, Костей Сивашем и Гариком Терезианом.

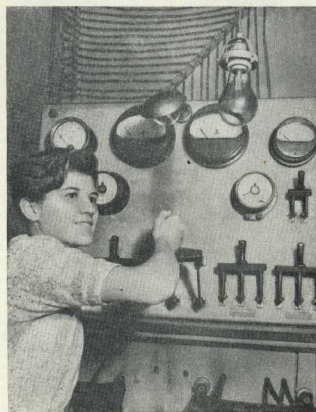
Лет пятнадцать назад в лесу, на территории школы, была построена бакстроэстанция. Строителям деятельно помогали школьники, а когда все было готово, юноши и девушки изучали двигатель, динамомашину и в свободные часы начали работать на станции.

Это стало традицией. Ребята, строившие станцию, давно выросли, распрощались со школой. В школу приходят все новые и новые ученики. Но обслуживание электростанции они продолжают считать своим кровным делом. Каждый вечер члены электрокружка поочередно дежурят на станции.

Руководитель электрокружка Николай Петгесевич Левин знает, что школьникам можно поручить ответственное дело.

На снимке: ученики Вася Костерев, Вася Пышко и Володя Алхисин. Они пришли на дежурство и готовятся к пуску машины.

Вот раздаются короткие гудки по радио: шесть часов. Женя Белова включает рубильник. Школа дан свет...

Это школьная оранжерея. Здесь под руководством агронома Марии Васильевны Тамичевой работают юные натуралисты.

Летом у юнатов значительно больше дела чем сейчас. Они разводят мичуринские сорта деревьев и ягод на пришкольном участке. В этом году они добились высокого урожая помидоров и картофеля, который был посеян летом, по методу академика Т. Д. Лысенко.

Когда наступают холода, юнаты переходят в оранжерею, где выращено 78 видов растений. Двадцатипятилетние кактусы цветут по почкам, агавы расправляют свои листья, папоротники высоко поднимают узорчатые листья.

В оранжерее школьники занимаются черенкованием, пересадками растений и т. д.

На сн и мк: Мария Васильевна и школьник Вяля Куркин поливают кактусы.

Когда школа приобрела киноаппарат, пришлось на первых порах приглашать кинемеханика для демонстрации фильмов. Теперь в этом нет необходимости: старшеклассники изучили киноаппарат и сами прекрасно с ним справляются.

Лева Терехов и Костя Сиваш, например, которые сфотографированы у аппарата, скоро станут вполне подготовленными кинемеханиками.

В зимние вечера педагоги и старшеклассники читают в соседних колхозах доклады, устраивают беседы на самые разнообразные темы.

Одна из таких бесед секретаря школьного комитета комсомола Миши Гринвальда с членами колхоза имени Карла Маркса заочтена на снимке.

Школа по праву гордится тем, что двое часов ее коллектива — педагог Виктор Иванович Кулагин и десятиклассник Сенья Жуков — были избраны депутатами Белоусовского сельского совета.

У комсомольцев-старшеклассников есть хороший обычай — заботиться о младших школьниками — большие друзья.

Очень любят ребята заместителя секретаря комитета комсомола Владика Вондалаковского. Он часто беседует с будущими пионерами, читает им книги, рассказывает о пионерской организации. Дня ветуления в отряд дети ждут как большого праздника.

Выход в море

РАССКАЗ

Привезли новую квартиру, Морозов прочитал название на афише и забыл его, но вечером он решил все же пойти в кино, сменил китель на черную туфурку и привнесла зашищать ботинки. Сосед Морозова, лейтенант Сапрыкин, отложил книгу и поднялся из-за письменного стола.

— Однажды произошел необыкновенный случай — заболел он, напав на «ю», переразвившая волжский гомор Морозова. — Один молодой военный собрался в кинематограф.

— Некоторые моряки завывают, — отговаривал Морозов. — И сами бы рады в кино, да халта не дускают...
Он провлек эти слова толь-то, как только что говорил Сапрыкин. Оба засмеялись, Морозов махнул рукой и вышел на верхнюю палубу. Корабль стоял у стенки. На баке два биваста репетировали, готовясь к вечеру самостоятельности, их обступили краснофлотцы и негромко подпели слова песни. Вода в бунке была совсем тихая, и Морозов вспоминал поварское словечко, услышанное недавно: «заду-малась вода». Так говорил, когда не подошла еще волна от иржекских бортов, и вода останавливалась неподвижно перед трапом. Привыкание не начиналось. Моряке брелка причальной стенки чернели над бортом корабля; у скалистого острова, замыкающего рейд, тысячами обнажились букиры, а широкие круги радужной нефти расползлись по тихой воде.

Накануне Морозов получил письмо. Писала Вера Ляхович, давний товарищ, с которой вместе учился в школе. Она была на первой практике теперь, сидела с гололозана по Уралу, когда-то они думали, что будут в такой поездке вместе, а теперь Вера поддразнивала его, может быть, и не нарочно. Она писала, как ставят валаки в лесу, жгут костры, собираются по вечерам, приносят к костру свои находки — мшны слюнок, все так и есть, как представлялось им когда-то. Морозов никак не отвечал на письмо, но ответ не жалелся. Показуй, потому что утром он проводил занятия с рулевыми и все время чувствовал, как не хватает ему слова, говорил сухо, краснофлотцы мало задавали вопросов, и не было, значит, настоящего контакта со слушателями. Одним словом, Морозов был ведомо-лен собою, ему и в письме захотелось поговорить, а это было не к чему, он изловил начало и решил отвалиться в кино.

«Бот он бы говорил иначе», — подумал Морозов, зловеще со своим начальником, старшим лейтенантом Шулейко. Он тоже собрался в кино и пошел вместе с Морозовым.

Картина, которую они смотрели, оказалась снятой в Грузии, где-то в лесном, удивительной красоты уголке, и вскоре Морозов заметал, что

следит он не за действующими лицами, не за тем, что приключается с ними, а за чудесными видами, которые дрожат на экране, освещенные голубовато-зеленым светом. Он просто соскучился по лесу, если Морозов и приходилось витать в последние два года деревню, то были они маленькие и крытые, стелющиеся по скудному торфяному грунту, словно исследованные морозом и ураганом. Сейчас он видел перед собой на экране высокие дятельники, а игру солнечных зайчиков на тропинках, и чашу кустарников — лес, который он всегда любил и в котором, наверно, не скоро доведется ему вновь погулять.

Кроме того этот лес напомнил ему о письме Вера Ляхович. Там, на Урале, тоже, вероятно, такие громадины-деревья. Показуй, еще и лучше...

Шулейко подтолкнул Морозова в бок. Вероятно, ему понравилось, как ловко парень, пробравшийся по этому лесу, перенюхивает черед большой пень.

— Да, да, — прошептал Морозов.

Когда окончилась картина, они вышли с Шулейко вместе. На корабль можно было не спешить, Промкомторгослужба передавал еще последние новости, но странно было думать, что через несколько минут наступит полночь. Морозов видел уже это время года на Севере не впервые, но все не мог привыкнуть к этому и всегда любилась солнечными ночами короткого и неяркого заполярного лета, когда город спит, как сейчас, на ушах пусто, только поодиночке артисты расходятся после киносеанса да какой-то велосипедист кружит по единственной ровной площадке. Незаходящее солнце ходит вокруг горизонта, отблескивает в оклах, освещает мшистые скалы и гряды фьордов, и чудно думается в эти часы, когда возвращаешься по пустым улицам из города на корабль.

Они постояли с Шулейко на балконе, потом спустились на улицу и пошли в порт. Над городом, как и над всей страной, поспылились негромадные гудки автомобилей, прозвонивших по Красной площади, потом раздались злов кремлевских часов. Солнце стояло теперь над островом, замыкающим рейд. Визу, у причальной стенки и на розовой воде валаки, виднелись военные корабли, востаные ходили по их палубам, слышался самолет рокотал в небе, и все, что было вокруг, казалось Морозову особенно торжественным и величественно-спокойным под этот медленный и гулкий злов часов, разносивший по улицам заполярного города, освещенного неярким ночным солнцем.

На корабль лейтенант Морозов был назначен недавно, тогда же он познакомился и с Шулейко. Морозову очень нравился этот человек — сдержанный, но не сухой, храбрый, как про него говорили, но не из той породы людей, которую называют «отчаянными». Во время финской кампании Шулейко провел корабль к Петсамо в туман и шторм, и потому Морозов, как казалось, долгие была активнее все корабли отставаться в тихих бухтах. К Морозову Шулейко относился тепло и внимательнее, охотно и долго беседовал с ним на любые темы, но избегал одного: никогда не говорил о себе. Шулейко был старше Морозова всего на три года, но Морозову казалось, что никак он за

три года не сумеет приобрести такой же опыт и такую выдержку. А он метаясь об этом и даже заискивая Шулейко хорошей, немного мальчишечьей заветью. Когда Морозов был в отпуску и ходил по Костроме в своем белом кителье, ил сразу не надеваемом здесь, на севере, он ложился себе на грудь, разговаривая со старшим другом старается подлизать Шулейко: говорит ему и медленню, на вопросы о себе и о море отвечает шуткой, услаиваясь за кем-либо, произносит короткое морское слово: «Доброе!»

— Они были вдали от моря. Шулейко заговорил о предстоящем походе и выругал слова Морозова.

— Знаете, придется вам в походе сделать доклад.

— Это огорчительно? — отозвался Морозов. — Но позвольте узнать: какой, товарищ старший лейтенант?..

Шулейко продал ему прочитать в кают-компании доклад для командного состава: «О режиме плавания в горах Белого моря». Морозов покраснел. Во время первого похода он не сумел ответить старшему лейтенанту на вопрос о величии приливо-отливных течений на скорости ходящего корабля.

— Я боюсь, что мне это будет не по силам, — сказал он, взглянув на Шулейко.

Почему же? Придется только почитать внемать.

Морозов пошел, что он говорит уже как приказание.

— Есть подготовлен доклад, — сказал он.

— Никогда не надоест смотреть на эти скалы, — сказала Шулейко. — Да, и они всегда разного цвета. Сейчас они напоминают восточный берег Крыма.

— Они бывають похожи на юкку, — согласился Шулейко. — Но иногда тут видишь такие краски, которых на юге не увидишь и южак.

Он повалил на севере уже шесть лет и говорил, что нет на земле мест, которые бы превосходили его. Когда Морозов впервые увидел край об этом, он удивился. «Что здесь хорошего?» — подумал он. — Голые скалы, скудная природа, бурное, суровое море.»

Возвратившись на корабль, Морозов пошел в свою каюту, чтобы подготовить необходимые материалы для предстоящего похода. Скоро он почувствовал дрожание корабля. Причальная стенка отошла от миллиметров. Солнечный свет упал на стол в каюте.

Корабль развернулся на реке, вышел из длинной и вешерной бухты в открытое море и увидел ветер, подхваченный высокой водой.

— Красив, замечательно красив военный корабль, когда выходишь на единорожье с морской стихией. Мачты его, трубы и боевые рубки отбрасывают немного назад, и от этого кажется, что корабль идет с непреодолимою полнотой вперед. Когда Морозов впервые увидел край, убежден вдоль бортов, пригнаться все ниже и ниже, и, наконец, у корня совсем спрячется, исчезает.

Корабль пошел к северу положею число миль, повернул на восток, и тогда сошлись в бухту, налетел ветер, подхваченный высокой водой, и корабль стало перекладывать с борта на борт.

Лейтенант Морозов вышел на палубу. Не по-летнему холодные брызги передеждавали через борт и скатывались по наклонным стальным плитам. Оставившись на палубе, вздутого на мостике, Морозов посмотрел туда, где должен был быть виден берег. Берега не было. Клубящаяся пелена тумана приближалась с той стороны к кораблю.

На мостике, слав вахту, лейтенант Сапринский сказал Морозову: — С десанта паром вахт, товарищ штурман! Никак вам в китеале вахну приманим?

Но не успел договорить, как брызги воды волны окатили и его с головою. Ветер усилывался, и белые брызги вскипали на море.

— И вас так же, — отозвался Морозов. — Веселая погода!

— Известное дело, — сказал Сапринский. Он уже спускался вниз по трапу, открываящая лицо от ветра. — Наше море всегда гостям радко..

Оставшись один, Морозов проверил прокладку курса на карте, потом подошел к рулевому. Заданная цифра на командной картелке стояла против лимба, не колебалась. Морозов медленно определял. Туман стал совсем густым, и воспользоваться секстансом было невозможно. Штурман занял в радиусе, спросил, какова связь с береговыми радионами, запросил радиопомощь.

— Наше море, — вспомнил Морозов слова Сапринского. Он и не задумывался до сих пор об этом, а ведь и в самом деле эти суровые летние воды стали для него «нашим». Как это там говорилось? Ну да, это в какой-то степени и «наш» морской ходил был адмирал, что путь во-зможней лежит здесь через альде места, где море никогда не бывает в покое. Об этом рассказывал в штурманских классах училища Сергей Константинович Устинов, преподаватель навигации. Он говорил тогда, что любое море — это для нас. Большая часть парусной флота, а вот совсем — это, знаете ли, университет. И, вспоминая это любимое эпитет ли старого моряка, Морозов со всей ясностью вспомнил и самые классы — с картин на стенах, с моделями кораблей под стеклянными колпаками. Там еще была большая модель парусной брашпильной, она висела под потолком, и когда весною в классе расторгали олен, свежий ветер струился в поднятые паруса и британка покатывалась, словно вот-вот ухнет она из класса — такая красавица! И тогда вспоминались, что скоро — в карман Андриана Морозова, отправлен на практику, морем отправлялись на практику, выходить в море, и все с нетерпением уже дожидались этого счастливого дня. Еще в классе Морозов вспоминал свое первое море, но и настоящее штурманское море и корабельный комисс. Как некогда он был на тот крохотный комисс, который катал в карман Андриана Морозова, отправлен на практику, морем отправлялись на практику, выходить в море, и все с нетерпением уже дожидались этого счастливого дня.

Погоды были недальние. Из мутного города, лежащего на берегу широкой речной реки, отправлялся в сосновый бор. Кило-

метров пять шли берегом. Сухой, горячий песок обжигал ноги. Под обрывом, там, где река разлилась большими и спокойными плесом, оставались и купались. По песчаным откосам обрыва поднимались вверх, и тут начинался бор: высокие, торжественные деревья, сухой шелест листвы, сухой, тихий пестик, шуршащие веточки в пароватных, веселое морское раздале.

На прогулке вывалили колбы для палаток, к отпуску таскали вахност для кистра, рыболовы спускались к реке с жезлами, полный розовых, вахностных дома, на вахностках, дождевых червей. А Андрей и Шулейко еще в вахностках. Андрей и Шулейко еще в вахностках. Вера Лихован всегда ходила с ними, — они уходили далеко в лес, минус последние два, — туда, где сосны были огромны и росли так густо, что под ними стояла достоянная жаркая тенью.

Андрей и Шулейко еще в вахностках. Андрей и Шулейко еще в вахностках. Вера Лихован всегда ходила с ними, — они уходили далеко в лес, минус последние два, — туда, где сосны были огромны и росли так густо, что под ними стояла достоянная жаркая тенью. Андрей и Шулейко еще в вахностках. Андрей и Шулейко еще в вахностках. Вера Лихован всегда ходила с ними, — они уходили далеко в лес, минус последние два, — туда, где сосны были огромны и росли так густо, что под ними стояла достоянная жаркая тенью. Андрей и Шулейко еще в вахностках. Андрей и Шулейко еще в вахностках. Вера Лихован всегда ходила с ними, — они уходили далеко в лес, минус последние два, — туда, где сосны были огромны и росли так густо, что под ними стояла достоянная жаркая тенью.

Придя на призывную комиссию, Андрей Морозов просился в летучую школу. Но туда просились многие и до него. Было несколько человек, пробывших в арколуке. В течение все места были заняты, и Андрей направил место воздушного флота в морской.

Нечего скрывать, он не без грусти прощался с мечтой о самолете, и, вероятно, не меньше gioia прошло, пока он не почувствовал вахру, что море, о котором он и не понимал никогда, очень ему дорого и на всю жизнь необходимо. Это и было как раз тогда, когда стоял он в классе возле корабельного комисс и вспоминал свой маленький старый пинерский дорожный комисс.

Ведь Андрей и Шулейко еще в вахностках. Андрей и Шулейко еще в вахностках. Вера Лихован всегда ходила с ними, — они уходили далеко в лес, минус последние два, — туда, где сосны были огромны и росли так густо, что под ними стояла достоянная жаркая тенью. Андрей и Шулейко еще в вахностках. Андрей и Шулейко еще в вахностках. Вера Лихован всегда ходила с ними, — они уходили далеко в лес, минус последние два, — туда, где сосны были огромны и росли так густо, что под ними стояла достоянная жаркая тенью.

— Дома может быть тепло, но вы сумеете пройти к выключателю, не нажав кнопки. Именно это требуется от нас в море. Быть как дома, и не в море.

Шулейко стал рядом с лейтенантом. Скоро справа над водою завертели блестящие, точно лаком покрытые камни.

— Сегодня вы хорошо нашли выключатель, — сказал Шулейко и снова пошел вниз.

Морозов внес новую запись в вахностный журнал, продолжил линию на карте и снова стал ходить по мостнику, не обращая внимания на насте всплески воды, разбивавшихся рядом. Он догадался, что Шулейко склеивает за ним отсюда, из своей каюты. Это не было неприятно Морозову. Он понял вахру, что делает именно то, что нужно сделать для того, например, чтобы провести корабль в туман и шпором в неважном неприятельский порт.

Вину проиграла боюмская акула. Краснофлотцы провели удачно. В несколько секунд корабль был вынесен в море, эскадрилья шумальды; струи воды от винта отнесли их к носу, и они раскинулись вниз, готовые ухватить мину, если бы была она на пути, срезать ее и обезвредить.

Туман не рассеялся, и ветер не утихал. Который поход идет он в эскадрильях водах? Пока еще штурману Морозову было не очень трудно считать. Семидецать? Или нет, шестьдесят только. Но не осталось уже и следа от тех сомнений и опасений, которые были у Морозова, когда впервые узнал об крутой чиря этого моря, силу его штурман, крутоту туманов, эскадрилья эскадрилья зарядов в приливной ночи. Он любилла север за то, что здесь всегда нужны человеку осторожность и мужество, точный расчет и быстрота в решении, хладнокровие и смелость, что был благодарен этому морю за его своеобразия, потому что оно помогало ему найти самого себя.

Вахта окончена. Морозов переселся в каюте во все сухое. Он мог теперь ответить на это письмо. Никакой ошибки в его жизни не произошла. Морозов стоял на столе и рядом письмо Вера Лихован. Он писал, правда, не совсем так, как представлялось в детстве, в тех беседах, о которых вспоминала Шулейко в своем письме. Короче бы все-таки унделься с ней и поболтал.

За толстым стеклом иллюминатора стоял туман, но было совсем светло; над туманом, над облаками, гонимыми ветром, кружило неугасное солнце полторы лет. Морозов встал и стал готовить доклад о режиме плавания в горах Белого моря.

Стихи Л. Квитко

Третий брат

Явко привали,
Симона привали,
Оба получили
Все, чего желали:
Шлемы им выдали,
Дази им шинели
И потом у ташков
Братьям стать велели.
А з пошел за ними —
И меня впустили:
Взвесили, смотрели,
Мерили, вертели,
Вертели и крутили,
Смеялись и шутили:
— Что, теренья нет?
И придти велела
Через десять лет.

Перевела с еврейского О. Гурья.

Есть у Л. Квитко стихотворение об арбузе. Сметено упало на землю, это случайно затоптали водичкой, но потом пролез над землей весенний дождь, пронёсся ветер, и на землю поднялся стебель, пророс лист, потом ку августовский арбуз, затем родилась...

«Что это, сказка, песня
Или чудесный сон?
Арбуз тажедовский
Из семечки родился».

Эти строчки всегда вспоминаются, когда думаешь о замечательных стихах Л. Квитко. Нашел их лист в манускрипте, принадлежавшем писателю Ворошилову, о массивной ли славке или о барсуках, сержантских в форме от ильинской шабры, — стихи родились, словно являлись из земли, и мысль, их охватывая, как брызжащийся оек, и строчки поражают нас неожиданными открытиями.

У Л. Квитко необычайно острое поэтическое зрение. Он видит все за собою но глазами и в полях, между домов и речек и выявляет, как комар слушает музыку тростниковой дудочки, как ребята просят бригадирку кутить их в колхозном поросстве, как брошенная песенка разбивает отражение солнца в неспокойной луже. И все эти маленькие черточки, все изгибы поэты подводят нас и мыслям о том, как важна и редкостна наша жизнь на чудесной земле под открытым для всех небесам!

Морозная песенка

Стережет мороз суробы.
Постоят то тут, то там.
Выйдя из дому, попробуй,—
Он поведет по пяткам.
На белье, что на дворе
Кто-то высушить развесил,
Сам мороз, и щедл и весел,
Сыплет иней в серебре.
Как живые, в странной позе
Стынут вещи на морозе.
Если ты белье поставишь,—
На за что не упадет,
А толчком идти заставишь —

Покачнется и пойдет...
На приеке тает иней,
Попадет белье в беду
И, утратив четкость линий,
Только ляжет на ходу—
Скачет всадник-ветерок
Через каждый козырек,
А портянка — злой мороз —
Резлет возмущенно нос.
Он, инчак, идя радком,
Шпаллет тело холодом
От ушей до самых пят...
Сани по снегу скрывают.

Перевла Бор. Иршак.

Старик

Уж в бане жарко мне и холодно в реке,
И разуи, говорят, сладет в мои года.
Все ж из колодца воду сам ташу всегда,
И каплей не пускает ведра в носой руке.
Я слыо еще до самых утренних лучей
Все лето на дворе и не прошу себе,
Что столько упустил за долгие вк ночей,
Прославил их под крышечку в избе.
Не то досадно мне, что долго мну я хлеб,
Чтоб он попал мне в рот не камнем — нягким
мхом,
Что уж не вижу я, как будто впрямь ослеп,
Смешного в том, что всех смеюи кругом.

Томит меня, гнетет, что винию я сажал
Руками этими и не жалел трудов,
Что вот пришла пора собирать мне урожай
Урюжих, сладких, огненных плодов,—
Она же—что ни год—все дальше каждый раз
Уходит от меня... Уходит!.. Глядь — и нет!
Так ясно это мне, как то, что день сейчас.
На это у меня немало есть примет.
И явче вот пришлось брестя инвеств куаа,
Когда по деревцу ввзла меня тоска,
И переменялись винию, как всегда,
Что я опять так долго их искал.

Перевла Бор. Иршак.

В плавании

А ну, краснофлотцы,
Народ голосовый,
Подхватим-ка песню
И звонко и чисто,
Чтоб за сердце вьять
Необъятную гладь.
Как солнце за землю
Берется лучами,
И песнями льется,
И сыплет цветами,
И каждую травку зовет
Подпевать.

Пусть играет море!
Пусть грозит туман!
Юны мы, но смеялы,
Держит курс умело
Юный капитан.

Нам зенточки ветер
Морской развевает,
И каждый с невольной
Тоской вспоминает
Товарищей, игры, и школу,
И дом.

Но сердце нас манит
К опасностям тайным,
И к скалам подводным,
И к далам бесарбайном,
Чтоб мы не сробели
При встрече с врагом.

Пусть играет море!
Пусть грозит туман!
Юны мы, но смеялы,
Держит курс умело
Юный капитан.

Перевла Бор. Иршак.

Рисунки И. Трапшак.

К акие идеалы, какие мечты летят подрастающее поколение? В чем видит оно цель жизни, как смотрит на свое будущее? Кого уважает?

Эти вопросы волновали многих педагогов разрозненной России. Примерно четверть века назад учитель Н. Рабинский провел большую работу среди учащихся двух московских гимназий, педагог К. Савицкий — среди молодежи Гибралра, доктор Е. Радин беседовал с моладью Петербурга.

Печальные выводы привуждают они были сделать. Перечитавши сотни ответов, Н. Рабинский с грустью отметил, что идеалы гимназистов в гимназиях отвлечены качеством кружков, убеждением желаний, несмысленно. Во многих ответах сквозила разочарованность, нравственная неустойчивость, эгоизм, беспристрастность. Во всем этом скрывались тяжелые годы политического гнета, тот плавильный режим, с которым столкнулся прогрессивный класс России подымаясь жизнью, стремились смочь, задумать лучшие порывы.

«Очевидно, смысл жизни не так легко будет найден: секрет утерян», — писал один юноша.

«Нет смысла в том, чтобы жить минутой, наслаждаясь ею» — заявлял другой.

«И идеалы не верю, терплю веру в себя. Жизнь выдает. Ищу в ней сильных ощущений. Хочется увидеть в мире, как сорвется в борьбе покосавет борца. Ишь жить, вернее, прожить. Не понимаю, ради чего живут люди!» — вот что жалко прозвучало в одной из анкет.

Особенно тяжелы были настроения старшихклассников.

Одна из девушек, участница воровского журнала молодежи, с тоской писала: «Что мы дадим человечеству, если выйдем в путь с усталой душой и опустевшим сердцем?»

Воспользовавшись в своем журнале «Первые асы» горько прививались: «Кто-то называл нас одними «челюстями ба», и теперь, сидя вместе, упорно хотюсь скорее найти себе название, и теперь, сидя вместе, мы спрашивали друг друга: как найти свое место в жизни?»

Место в жизни? Самостоятельность? Многие это спрашивали.

Но для некоторых дорога была свобода, путь избран. Об этом свидетельствуют отдельные анкеты, часто без подписей, написанные, конечно, представителями передовой революционно настроенной гимназической молодежи.

«Философия марксизма — мой комплекс в жизни», — писал, например, один юноша, — и это спасло меня от всяких разочарований и двет бодрости и веру».

***

Это было четверть века назад. Как будто бы и не так все давно. Но большие перемены произошли за эти годы в нашей стране, который расцвел под знаменем Великой Октябрьской социалистической революции. Иные массы, иные чувства выдают советскими юношами и девушками.

Недавно мы поехали старшихклассников 110, 125 и 151-й московских школ анкеты гимназистов и гимназисток — эти печальные документы школ хохотали, какие черты характера они хотят воспитать у себя, — какие герои — являются выдающимися их душ. С глубокой любовью и гордым патриотическим называли советские юноши и девушки имена людей, образ которых они носят в своем сердце, примеры которых они хотят следовать. Они называли людей, сильных духом, самоотверженно преданных идее, людей высочайших моральных качеств: Героев, величайшими их дух являются Маркс, Ленин, Сталин, Чапаев, Герцын, Максим Горький... Сильные, мужественные характеры своих героев мечтают усвоить у нас молодежи.

В анкетах советских школьников нет тоски, маленького мира личных желаний, нет того сомнения ценности и бессилия, безудержной индивидуальности и святаятвенности, которыми отмечены помыслы воспитанников старой гимназии. Наши школьники — прежде всего патриоты. Они жаждут послать свою жизнь, отдать все силы великой родине, борьбе за коммунизм, за счастливое будущее человечества.

Р. КРОН

АНКЕТЫ ГИМНАЗИСТОВ И ГИМНАЗИСТОК

Я хочу быть богатой, чтобы красиво обставить собственную жизнь и иногда делать добро.

Гимназистка 6-го класса.

Нет доказательства порядочности людей, вечное лозанье друг перед другом. Идеальн туманны и далеки. Все опровержено.

Н — ич, 8-й класс.

Смысл жизни в том, что жизнь дана, что мы живем в радости бытия, в некоторых моментах радости, а когда приходится то — и идеальн на лучшее, на будущую радость. Только в личных переживаниях радость жизни!

Г — ва.

Я рисую себе картину эпической деятельности. Я поступаю за ролик Татьяны, играю с полным успехом, вызываю восторженные рукоплескания зрителей. Но является новая звезда, и я с ужасом моргну... и отказываюсь от контрреволюции, чтобы не пережить своей сальвы.

Р — я, 8-й класс.

Хотелось бы быть доктором, да встретится прервуды, а я такой человек, кто бороться долго не могу.

Л — а, 8-й класс.

Я хочу быть только авиатором. Я не шучу; мое желание серьезно, хотя, к моему сожалению, невозможно. Вы только помните: я не могу равнодушно смотреть на голубое небо, меня так влечет улететь в космос, навстрочу солнцу. Быть там одной, сво-

бодной, победить воздух! У меня из головы не выйдет фраза одного авиатора: «Чем дальше от земли, тем меньше чувства рабства». Да, только там и могла бы быть счастливей!

Н — ва, ученица 8-го класса.

Я хочу быть необыкновенным человеком, артистом, контрабандистом, преступником, гангстером или мафioso, потому что хуже всего быть сереньким человеком. Контрабандистом я хотела бы быть потому, что он часто рискует своей жизнью. Артистом — только великим. Я писала это вполне искренно, клянусь всем святым.

О — ч, Гимназистка 8-го класса.

В компании храбрых товарищей я совершаю подвиги. Выдаюсь, конечно, я. У меня много врагов, но и несколько преданных друзей. Всегда я самое выдающееся лицо.

Б — н, 7-й класс.

Моя мечта — быть выше толпы, повести ее за собой, а не быть песчинкой, как все.

Ч — ко, 8-й класс.

Девиз мой — меньше работы, больше веселья. В настоящее время для бог получить бумажку об окончании школы, а в будущем — побольше денег и чинов при наименьшей затрате труда.

С — скый, 8-й класс.

До 16 лет разочарования. Гимназия убивает всякие запросы, и незвольно гложет все чистое, несмотря на то что я учился хорошо.

Е — в.

Про среднюю школу могу сказать много, но в немногих словах: средняя школа запознала мое душу, мое сердце. Я постигнул туду доверчивую, правдивую, жизнерадостную мальчишку и вышел молчаливым, живым, молодым стрижком. В школе я узнал, что такое ненависть. Я научился там ненавидеть своих воспитателей. Не всех, конечно.

но. Простых, хороших, но безвольных педагогов я жалею, так как по опыту знал, что немотгие из них сократят душу живу! заставят смеяться дрянно, как и всех других. В школе я хорошо понял, что познать, что у тебя есть характер, не мечта, вернее всегда, небезопасно!

Р — скый.

Философия марксизма — мой комплекс в жизни, и это спасло меня от всяких разочарований и двет бодрости и веру.

С — н.

НОЛЬСЕРИ

АНКЕТЫ СОВЕТСКИХ ШКОЛЬНИКОВ

ДЕРЗАТЬ И СОЗИДАТЬ!

Я думаю: в жизни нужно вечно бороться. Бороться страстно, отдавая всю жизнь за человеческое счастье. Нужно верить в это счастье! Верить в могущество человека перед лицом вселенной.

Будущее для человека, не трусливо прячущегося от земных бурь, а дерзавшего, смело разрушающего и смело создающего.

Хочу взять свою жизнь в поток жизни, отдаленных человечеством в борьбе за прекрасное будущее!

Любимый герой, поистине властитель дум — Маркс — изумительное сочетание огромной эрудиции с беспредельной верой в человека и волей к борьбе и победе. Великий ученый и мыслитель, великий политический деятель!

Наиболее нужными чертами человека считаю: энтузиазм (в смысле интенсивного восприятия жизни, тонкости чувств, свежести убеждений, стремления к знанию), стойкости, воле к победе, тити к совершенствованию, знанию своих недостатков, умные бороться с ними.

Не знаю точно, кем буду. Хочу трудиться, всю жизнь оставаясь активным участником политической жизни.

Юрий Тимофеев

УЧИТЬСЯ У СТАЛИНА

Быть похожей на Сталина — это так много, что трудно сказать, всладу. Ну хотя бы воспитать в себе часть его черт.

Мне нравится его скромная, направленная к единой цели жизнь, вешивает большая воля и, главное, выдержка, умение не теряться в трудные минуты. А ведь трудностей было много у него на пути — в годы ссылки, реакции, в тяжелые периоды гражданской войны.

Жить, как Сталин, быть беспредельно полезным родителю, учиться у него работать!

З. А.

МОЙ ИДЕАЛ

Мой личный герой — Валерий Павлович Чкалов. Прекрасные личные качества сочетаются в нем с исключительной человечностью, огромной силой воли, бесстрашием.

Я считаю, что каждый человек должен прожить так, чтоб жизнь его была пользой обществу, и прежде всего любить и защищать родину, быть честным, смелым, истинным, быть хорошим товарищем. Все это хотелось бы воплотить в себе.

Е. А.

ПРАВДИВОСТЬ И ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ

Я хотела бы походить на Макаренку. Это человек тонкого юмора, огромной силы, исключительной теплоты. Все жизни он, не переставая, трудился и учился, передавая полученные знания другим. Он был не просто педагогом, а «инженером человеческих душ».

Умный, прекрасный товарищ, веселый, остроумный — таким Макаренко был в обществе. Ничем никогда не хвастался, а ведь ему было чем похвастаться. Простой, честный...

О Макаренко и могла бы много написать. Это был человеческий человек. И такой я хочу быть.

Р.

СЛУЖИТЬ НАРОДУ!

Было бы самым нескромным говорить, за что именно я уважаю своего родителя, то есть хвалить папу. Скажу только, что я хотела бы быть такой же находчивой и изобретательной, иметь столько энергии и упорства, сколько он имеет.

Если бы человеком, на которого я хочу походить, был не мой родной отец, а кто-нибудь другой, я сказала бы больше. Мне приходится ограничиться этим.

Мне кажется, что счастьем может быть только тот, кто знает смысла своей жизни, поставив перед собой цель, нашел путь к ее достижению и идет уже по этому пути.

Смысл жизни не должен определяться личными интересами. Смысл жизни в созидательной работе. Для этого вовсе не требуется быть гением, иметь талант и громкое имя. Нужна повседневная неустанная работа на деле своих материальных благ, а для своего народа и отечества.

Важнейшими качествами человека я считаю смелость, упорство в достижении цели, отсутствие эгоистических черт в характере, веру в свои силы, терпение, пылливость.

Физику и математику я люблю больше всех наук. Я считаю, что физика, а именно физика колебаний, имеет очень широкие перспективы. Эта область ждет новых открытий и изысканий.

Светлана Коренькова

То же могу сказать и о митоматике. Математику я считаю верхом человеческого остроумия, это, пожалуй, самая динамичная из наук, и не знаю, что в ней удивителнее находить сухого.

БЕСЕЛОСТЬ — ХОРОШЕЕ КАЧЕСТВО

Наиболее важным моральным качеством людей является честность в делах и поступках. Честность объединяет в себе очень важные моральные качества (правдивость, искренность, непосредственность). Я лично в больших вопросах честна, но в мелочах часто обманываю себя и других (никогда специально, иногда спрашиваю что-нибудь не очень важное от родителей) и поэтому не могу сказать, что я вполне честна. Нельзя считать честным человеком, пока не станешь честным и в мелочах.

Хочется сказать еще об одном качестве, которое должно украшать жизнь каждого человека, — это беселость.

Теодор Вульфвич.

ЭПОХА ГЕРОЕВ

Трудно указать определенного «властителя дум». Легче отметить, кого я считаю образцом человека. Но и это не просто. Наша эпоха — время героев и больших дел. Нашим идеалом являются вожди большевистской партии, отважные герои Советского Союза и зарубежные товарищи — члены братских компартий, честно и беззаветно делающие свое героическое дело. Поэтому я не берусь указать, кто из современников является моим единственным «властителем дум». Я рад, что мне нравятся многие люди.

Ю. Дивьяковский

ВПЕРЕД И ВВЫСЬ

Героев у меня много, каждый нравится какой-нибудь одной чертой. Считаю, что не нужно копировать мысли героев и их действия. Лучше воспитать в себе те качества, которые у них нравятся. Я люблю Ленина, Маркса, Гейне, Толстого.

Вопрос о смысле жизни встает меня врасплох. Всею жизнью думая об этом, но так конкретно и прямого такого вопроса перед собой не ставлю.

Человек должен изменять жизнь. В этом, по-моему, смысла его жизни. Я хочу, чтобы мои стремления совпадали с мечтами других людей, и хочу работать для других с такой же любовью, как для себя. Мы должны быть коммунистами в душе. В этом цель жизни.

Несомненно, самое главное в человеке — чувство неуспокоенности, стремление вперед, вверх.

Одной из основных преград на пути к коммунизму является жадность людей, их приверженность к собственности. Я хочу бороться против этого.

КАК БЫ ПОСТУПИЛ АЛЕКСЕЙ МАКСИМОВИЧ

Я люблю и глубоко уважаю М. Горького не только как писателя, но и как человека. Я преклоняюсь перед Горьким за его правдивость, прямоту, талант, серьезность и настойчивость, с которой он пробил себе дорогу к жизни. Мне всегда хотелось пожать Алексею Максимовичу. Даже когда я была совсем маленькой девочкой, когда я из приключений его читала лишь «Детство», я уже много думала об Алексее Пешкове. И когда мне хотелось похвастаться или сказать, я всегда вспоминала, что Алексей Пешков никогда не враг и не хвастался. И теперь в минуты затруднений я часто думаю как бы на моем месте поступил Алексей Максимович?

Горькому пришлось преодолеть трудности, бороться за счастье. И мне не хочется жить на всем готовом! Хочется работать и бороться за счастье людей.

Мне кажется, что смыслом жизни всего человечества является вечное стремление к совершенству. Смысл жизни каждого человека в творчестве. Своей ближайшей целью я поставила борьбу с личным эгоизмом.

Самым важным качеством человека я считаю полное отсутствие эгоизма. Человек должен любить людей не меньше, чем он любит себя. Человек должен быть смелым, но не ради смелости, чутким и чувствительным, но не слезливым, внимательным, простым

В ДАЛЕКИЙ РЕЙС

Меня занимают далекие путешествия в жаркие страны: Африку, Южную Америку, Азию и Австралию. Я хотела бы быть таким исследователем, как Колумб, Кортес, Колумб, Косма.

В школу я пришла для того, чтобы поглотить ту ней знания. Получила в школе много хорошего, научилась ценить людей.

Человек должен быть прямым, честным, помогать товарищу — и не только товарищу — в беде, не ронять своего человеческого достоинства.

Жизнь свою я решила посвятить морской флоте. Хочу путешествовать, наблюдать жизнь моря. Мне и книги нравятся такие, где описываются таинственные путешествия и борьба за освобождение людей.

В. Корниальев.

Рисунок В. Беляева

Е. СЕЛЫМ

МАТЬ

РАССКАЗ

Три дня уже висит на воротах капалящая белая бумага, в Сикорская, проходила через двор, спорит от стыда. Мало, что ли, горя натерпелась она, а теперь еще и такая извешть! И если бы хоть с'ехать отсюда до этого смертного дня... Но где же взять денег на новую квартиру? На пенсию наложки арест хозяина дома, немало ушло на лечение Янека, а теперь приехали еще повестку из суда: требуют уплатить государству за то, что Янека содержал в тюрьме. Откуда же взять-то?

С этой повесткой она побежала к адвокату к тому самому, которого ей когда-то рекомендовал Янек. Она помнит еще слова сына, голос его.

«Подите, мама, на ушину Шпигуку, это наш адвокат, он вам поможет!» — кричала он через железную решетку.

Тогда она не пошла: незачем уже было. Побежала теперь, год спустя. Душала, что адвокат не припомнит ее фамилию; но как только она извещалась, он весь в лице переменился. Долго в молчании глядел на нее, потом взяла повестку.

Взгля и сказала, что дело трудное, такой уже закон в Польше, что за проживание и питание в тюрьмой камере взыскивается с заключенного мать с его семьи. А так как она, Сикорская, получает пенсию, с нее и требуют. Можно, конечно, возбудить ходатайство, но это, право, бесполезно.

«Теперь все это не имеет никакого значения», — думает Сикорская. Она сложила

ИВАН ГАЗА

За далекой, на Наревской заставой подним звеня паровоз шел молчаливо парнишка. Он был высок ростом, худощав, на вид ему было лет семнадцать.

Парень шел неторопливо походкой и вполне мог сойти за беззаботного любителей прогулок, хотя в тот час на опушке Поташева леса было мало правых гуляк.

Проковыляв напоследок незаметно песенку, прогуливаясь назад и вперед и горло смотрел по сторонам.

Но пошлени извлекшему не было видно, и большевикская маевка в Поташевом лесу могла продолжаться без всяких опасений.

За музыку у худощавого парнишка лежала ракетка. Они дождиком были покрыты в небо красными фейерверком при первом появлении городовых.

Но маевка уже закончилась, участники ее разбежались по домам, а поезда там того, чтобы заехать ракетки, все не было.

Уже подходил к Петергофскому шоссе, паренек на радостях, что все окончилось благополучно, а отчасти просто за соображен вынул стили в воздух свои знаке ракет. Видно было по всему, что ему очень хотелось посмотреть самому на фейерверк.

Вентильный огонь, с треском и свистом рвал-ся вверху, в черное небо, и обрушивался вниз каскадом разноцветных звезд, которые тотчас же затухали.

Нетрудно было представить какой переполох поднялся за минуту в подзельском участке!

Одна мысль о том, что городские будут рыскать по лесу, искать зачинщиков и устроителей праздничного фейерверка, привела парнишку в восторг.

С городскими, с казками у Иван Газа были свои счеты смятены. Еще одиннадцатилетним мальчуганом он впервые услышал оружейные выстрелы и свист казачьих нагаек.

Он хорошо помнит, во всех прагматических подробностях, день девятого января. Убитые и раненые уже давно увезены, а городские еще собирают допотопные орудийный свист, лабают им бошки и увозят прочь.

Ивану Газа не довелось увидеть в своей жизни фильм «Юность Максима». Но если бы он очутился в зрительском зале кинотеатра, то, очевидно, многие кадры фильма напомнили бы ему собственную юность.

Это была суровая юность, которая несколько преждевременно сменила детство и отрочество. Ивану Газа еще не прививали по малолетству в профсоюз, но в колхозный словарь, Путиловского завода, уже читал и распространял большевистскую «Звездочку», участвовал в забастовках, сплел у заводской охраны «буштарку», «свободное слово».

Таким же «свободолюбивым» остался Газа после того, как на него неделию содвинули шинель. НовоБранна орудийник в штрафную роту. Насквозь три армии Газа отправлялся последний раз в феврале 1917 года, когда он поднял восстание в гарнизоне Оршанибаума и повел солдат на помощь к своим.

Солдаты встретились с пулемитером у Шереметьевского парка. Один рабочий победил налетучую дивизию «бобов» и скомандовал солдатам, шедшего вперед: Иван Егоров узнал своего учителя Газа.

Вверх полетели гранаты и шпильки. К лавфету предельно быстро присела красное знамя пулемитер. Орестер трижды «Марсельскую».

Два дни подряд Иван Газа участвовал в уличных боях, помогая своим товарищам арестовывать нарских саюзников и освобождать политзаключенных.

Однажды подлым ездиком вечером председателю Нарвского совета Иван Егоров вызвал к себе Газа и сказал ему:

— Оставаясь здесь, будешь у меня подтянутым для особо важных поручений. Горячая предстоит нога...

В районный совет за Нарвской заставой шло приказ Военно-революционного комитета. Оттуда уходили отряды Красной Гвардии. Адетант Газа не отходил от телефона. Глубокой ночью Газа позволил на телефонную станцию. Долго не было никакого ответа, наконец отключилась какой-то густой музыкальный ток.

— Я соединить не умею, а телефонистки лежат в обороте...

Власть перешла в руки Советов Газа бросил трубку на рычаг и даже приготовил к радости.

Под утро, когда Егоров вернулся из Смольного, стало известно, что уже вонти телеграф, пошатал, что захвачены почти все места, вокзалы, правительственные учреждения и что идет штурм Зимнего дворца.

«Дул, как всегда, Октябрь ветрами» в ту

Иван Иванович Газа. Снимок сделан в годы гражданской войны.

историческую ночь. Но дежурство адетанта штаба Ивану Газа окончилось уже при советской власти.

* * *

Тяжело грохнула на стрелках, минуя станцию, полустая, раздался, мчался настремку врагу бронепоезд № 6.

Броневоз был одет в броню. Сбоку, на тендере, болтали бумажки было пестрою окраской поезда: «Ленин».

Случалось, бронепоезд попадал в такие снежные заносы, что дула орудий, задвигались вперед, все-таки оказывались ниже снежного покрова. Но что же, бойцы доставали лопаты и разгребали снег.

Иногда бронепоезд шел по такому полотку, что под тяжестью гудков бронепоезда, шпалы поднимались и опускались как клавиши. Но что же, бойцы ремонтировали пути.

Иван Газа был сперва одним из ста четырех бойцов бронепоезда, но вскоре его избрали комиссаром.

Комиссар хорошо знал могущество личного парня и умел подзавать его во всем и всюду. Осенью 1919 года бронепоезд № 6 служил в атаке Юденича между Гатчиной и Ямбургом. Состав притаялся на пути около полустанка Тихонов, команда старалась скрыть местонахождение бронепоезда. Чтобы не выдать дем на паровой трубе, пар в котле держали ниже марши.

Спарды затаились где-то совсем по соседству и после каждого разгара поезда в вагоны-вагоны стали выдвигаться из паровозного тупика и отъезжали дребезжачими аборками.

Очевидно, беглые о бронепоезде не знали и были влодь полотно на всякий случай. Вскоре дедушка стал коммунистом, бронепоезда, сгруппированный комиссаром. Сам комиссар был давно не брит, глаза вывалились от бессонницы, а чувствозалось, что он с трудом произносит шепотом о положении на фронте.

Правда, шестерых бронепоездом нет. Верно, что в Ямбурге сосредоточены отборные офицерские части — двинная школа Ленина. Справедливо и то, что паровоз охвачен в броню, сейчас ремонтируется и а бой придется идти с обыкновенными, «штатскими» паровозом.

Но пойти на Ямбург — значит производить беспорядочное отступление 6-й дивизии, создать переполох на фронте.

История не сохранила нам речи Газа. Очевидно, это были настоящие слова, задушенные и суровые в одно и то же время. Не слышал нахлынувших чувств, один путевыми стремительно поехал к развалу, отпустил тормоз — и загремел «Интернационале». Все подхвати и азелил так согласно и громко, что, казалось, далеко близкие разным спарды не могли бы заглушить хора.

«Ленин» двинулся вперед. На парозе стоял комиссар.

Не дожидая Ямбурга, поезд остановился. Путиловым Ефреим и Чадов отпрянулись на развалку.

Делов, в поезд, они не вернулись: развешенное зарубили битье. То ли по слежке пулемитер, то ли по их документам, по офицеры установили, что бронепоезд скрывается где-то поблизости. Они наехали какой-то паравозом и впустили его в тупиком ходом настремку «Ленину». И еще когда паровоз не успел набрать скорости, беглые соскочили с него, и вот теперь шальной локомотив, как торпеда, летел на бронепоезд.

Комиссар заметил опасность, когда паровоз был еще адала, на горизонте. Он казался а тот момент размером со сичиную корыбку, но как быстро он приближался и вырвался!

— Полный ход назад! — было первой командой комиссара.

Сам он бросился в переднюю орудия и начал бить по паровозу прямой наводкой. Первый снаряд лег мимо. Второй также. Бронепоезд уже шел полным ходом назад, но разле он мог уйти от шального паровоза, который метался азад параз.

Опасность нарастала с каждым мгновением. Комиссар отлучил это пошывая, но в его точных движениях и сухих словах не было и тени растерянности. Газа подавал команду по нормам орудия нетормою и, казалось, даже неторопливо: стенька была в тот момент гибельной.

Еще несколько выстрелов выстрелов, и паровоз, спряч сис у его трубу.

Следующий снаряд угодил в тендер. Неужели и теперь не отведена смертельная опасность? Шальной паровозный паровоз продолжал метаться вперед.

Третий снаряд пришелся как нельзя лучше: он разворотил котел и машинное управление. Шальной паровоз сразу сбавил ход, начал пономую отставать и, наконец, как бы в нерешительности остановился.

Газа еще раз взглянул на обвороченный, изуродованный паровозный снаряд и вытер пот со лба: в ту минуту он не чувствовал отступничества, холодного ветра.

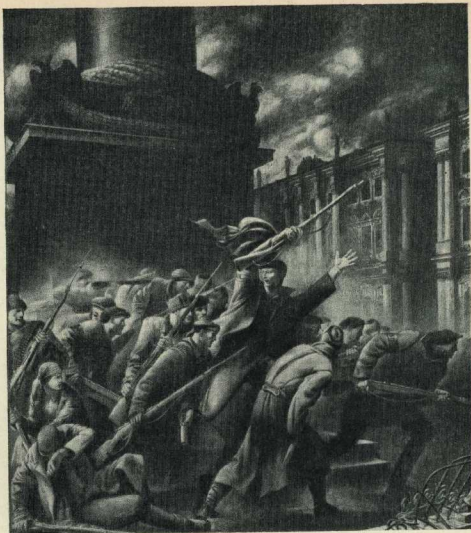
Бронепоезд сплосот от паровоз-торпеда, но он оставался в тупике, паровоз был разбитый беглыми и вперед и назад. Три дни бронепоезд метался, как затравленный зверь, между

Окончание на стр. 14.

Октябрьские строки

Даа Октябрь радости навек,
 Этот дар никем не изменим.
 Высоко поднялся человек,
 Сам народ — земли своей хозяин.
 Ненависти злая пелена
 Раньше ослепляла наши души.
 Побратался ныне племени,
 И никто той дружбы не нарушит.
 Этой дружбы драгоценный клад
 Защитим рабочими руками,
 Чтоб лучился солнцем каждый взгляд,
 Чтоб Октябрь здравствовал меж нами.
 Не было еще такой поры,
 Не выдало человечье око,
 Чтобы алая стиг Казбек-тогы
 Повадил над жаром так далеко.
 От альпийских снеговых вершин,
 По гористым каменным округам
 Осетина окладам — гражданам,
 Кабардинца называем другом.
 Житяки далеких деревень,
 Старики ущелия Карау
 На нихасе в лучезарный день
 Говорит про сталинскую славу.
 Солнце наших солнц, родимый вождь!
 Как твоим делам не удивиться?!
 Все сердца к тебе, любимый вождь,
 Словно река горные стремется.
 Коршуны дерзали нас в котлах,
 Гибли мы от страшных лиховетий.
 Ты же с Лениным принес Октябрь,
 В каждом сердце он сегодня светит!

Перевел с осетинского
 Вл. АВРУЩЕНКО

«Штурм Зимнего дворца». С рисунка художника С. Кобуладзе.

Цинхас — место для собраний жителей села.

«Штаб Октября». С картины художника В. Саврова.

В Московском музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина скоро откроется выставка иллюстраций к истории ВКП(б). Лучшие советские художники подготовили около трехсот картин и рисунков, отражающих победоносный путь великой партии Ленина — Сталина.

На этой странице мы помещаем репродукцию рисунка С. Кобуладзе и картины В. Саврова, которые воспевают героические дни Великой Октябрьской социалистической революции.

длина разрезами. Дрова, вода для паровоза добавлялись с боя под огнем восстанавливавшегося пути. Прованца дымом качались, и путиловцы варили «кофе» из сухих капустных корешков.

Трое суток подряд бойцы не знали ни отдыха, ни сна. А сколько еще впереди бесконечной войны, которые, казалось, нависли пропалли пороком и дымом!

В тот грозный год Иван Газа и другие бойцы бывали на своем заводе только в дни вынужденных побегов, когда искалеченный, выкрученный шрамами броненосец приходил с фронта для очередного ремонта.

Прибытие броненосца всегда было на заставе большим праздником. Да и ранне могло быть иначе? Каждый боец оставил здесь семью, товарищей, может быть, любимую девушку.

Кто знает, как продолжительна будет новая разлука? И не будет ли предвещать расставание у порога прощание, «быть может, навсегда»?

Почти каждый приезд броненосца отмечался на заводе праздничным вечером. Особенно хорошо запомнен «длинный бой».

Газа рассказывал, как в это время, в положении на фронте. Затем начал концерт. В антрактах бойцы уговаривали участников бить шишовой канной. На кухне полыхала огромная каша. На ней стояла молодость, солдаты, котелок с шишом — красовицкой явас.

Застава жила тогда впроголодь, и шишавая каша считалась большим лакомством.

«В тихие дни, когда араге били на передовках в Петрограде, славный броненосец оставался под самым городом.

Газа собрал путиловцев и прочитал им обращение Ленина к рабочим и красноармейцам Петрограда. В обращении говорилось: «Говорится! Решается судьба Петрограда!»

Прозвонит речью было некогда и незачем: только было ясно.

Комиссар только указал рукой в ту сторону, где в осеннем тумане скрывался город, и сказал глухо, но с той решимостью, которую вызывало истребление:

«Дальше отступать нельзя, дальше Петроград — Отступать дальше — это значит отступать мимо заводу, мимо заставы, которая гонитела отнюдь назад».

Былые были уже на расстоянии немого перехода от Нарвской заставы. На колокольне путиловской церкви артиллеристы устремили свой наблюдательный пункт. Женщины, дети, старики вышли окресты.

«После того как пролетарят Петера отстоял город, броненосец «Ленин» не стал на заводный путь, а комиссар не оставил своего поста.

Всеобщий любимец, требовательный и отчаянный, Газа всегда оказывался в момент боя на самом опасном участке. Он отпирал той умной храбростью, которая никогда не была безоружной, но часто граничила с самопожертвованием.

В начале 1920 года «Ленин» вел бой с белоказаками около станции Вышка, под городом Дансково. Броненосец отбил вышку и до вышку: путь с обеих сторон был минирован.

Кому-то из бойцов надо было добраться до того места, где на полотно лежали перекопанные шпалы, и снести их с пути. Но как это сделать, если ушли все время зарядок о броню? Войти из вагона можно было, только рискуя жизнью.

Комиссар решился. Он взял с собой косяк, топор, клещи-кусачки, кирку из вагона в снег и пошел вдоль полотна. Газа проделал все это прежде, чем бойцы успели его остановить.

Он шло медленно, стараясь глубже зарыться в снег, укрыться за рельсом, за шпалами. Чувство пола, и принятый шаг отменял его движение.

Снег забрался за воротник шинели, нависая в карманы, закрывая глаза. Вокруг жужжали пули, и вядло было, как ooit то и дело возвращать нушительный стин.

С трудом добравшись до мипровального участка пути и начав снимать широкие полосы шинели, прижвлевенные к рельсам. Как пригодилось им инструменты, которые он захватил с собой! Это была самая ответственная «старшая» работа из всех, казав тогда-нибудь

пригодиться выполнить бывшему ученику Путиловского ремесленного училища.

Газа старался действовать как можно осторожнее. Лишь бы очистить путь от мин. Но вражеская пуля была неутомима: она выстигла комиссара и самый заряд работы. Газа схватился рукой за грудь, а когда отнял руку, — она была в крови. Голова кружилась, маленькие клещи, зажатые в руке, казались непосильно тяжелыми для пальцев. Но Газа не прекратил работы. Еще несколько минут — и путь был очищен.

Можно было возвратиться на броненосец. Но для этого стип уже не оставало. Газа подумал, что он может остаться помощиком на пути броненосца, если потеряет сознание и останется лежать здесь, на полотне. Тогда комиссар подтянулся на руках к краю путиловой настилы и шлолся назад.

Бойцы, встревоженные отсутствием комиссара, отправились на поиски. В тот момент, когда бойцы поднимали раненого, одному из них пуля прострелила шапку.

— Путь свободен. Вперед! В бой! — это были последние слова комиссара Газа, прощавшего любознательным губам, когда онукалс.

И хотя команда была полна шонотом, ее отчетливо услышали все.

***

Когда Иван Иванович оправдался от ранения, фронта уже не было. Он остался в армии и брал на завод сравнительно редко, по делам, связанным с шефством. Дело в том, что путиловцы являлись шефами броненосца сил Петроградского военного округа, которыми командовал бывший комиссар броненосца № 6.

Но наступили дни, когда он почувствовал, что было и присутствие на заводе необходимо. Это было в конце 1925 года, когда на завод оповалились зиньевские банкет.

Зиньевские обвинили Ивана Газа «суждено и не пустили на собрание партийного актива. Но Газа не ушел. Он стал у входа в здание, пытаясь собраться. Многие рабочие звали его в здание. Они верили своему товарищу, бывшему комиссару, и охотно слушали его. Люди не расхолись несмотря на лютый мороз. Два часа собрался. Газа не устоял, начал бормотать врагов. Это была страшная, злободневная речь. Газа не замечал холода. Когда он пришел домой и попытался снять шинель, то сделать этого нельзя было: замшевой воротник шинели примерз к волосам.

Зиньевские банкет устроили Газа, но он, полагаясь пропуском на завод, прожаривался в печи, сплывавши там коммунистов, разоблачал току и демagogично врагов.

Вскоре Газа стал руководителем партийной организации завода «Красный путиловец», а в конце 1931 года он был избран секретарем Ленинградского горкома ВКП(б).

Во всем областе секретари горкома Газа преобладали те же отличительные черты, которые были свойственны и легендарному комиссару завода Кировск: «Получившим сведением собиравшись выезжать Ленинград. Пошла Ленинград безобразная. Решили пролить тебе отпуску до 20 февраля, что по ходу работы вполне можно было. За этой телеграммой последовала вторая, но удержать большого Газа из-за от работы было нелегко.

5 октября 1933 года Иван Иванович не стал в Ленинград с семьей в маленькую старую квартиру, взманная ранением. Сказалось и то, что после ранения, все время, пока шел бой, он лежал на паровозе, прямо на угле, недалеко от путиловского завода. Он вагон под сильными «бестормоз» земляни было.

Именем потомственного путиловца И. И. Газа в Ленинград назван клуб Кировского завода, Петергофский проспект и Шелков в Ленинградском районе. Тогда же, когда «любовь Максима» и еще некогда обегерал союзнические большевистской мажорк молодой художественной парнишка. Все обозначенная Нарвская застава остается сегодня живым памятником своему благодарному сыну.

Постылают, возмущенный в Севастополе в 1834 году в память подвига командира брига «Меркурий» А. И. Казарского.

ПОТОМСТВУ В ПРИМЕР

Н. ШИХЕВ

Эти случались в русско-турецкую войну прошлого столетия. В ночь с 11 на 12 мая 1829 года русский фрегат «Рифань» по безопасности своего командира и союзности штурмана сбился с пути и, отступив на расстояние воле турешких берегов, увидел на горизонте вражескую эскадру. На беду, ветер изменил стип, паруса обвисли, и «Рифань» при всей своей безоружности не смог уйти от турецких кораблей, приближившись на расстояние пушечного выстрела. Видя, что бое не избежать, офицеры «Рифавца» решили биться до крайности, а потом взорвать себя вместе с фрегатом. Капитан фрегата Стройков, человек жестокий, но турешский, втайне считая решение безумным, выманов колодой отговора, все же предостерегал к нему, вылезая после первых же выстрелов найти близкий остров, чтобы сдать в плен.

Повод нашелся до нечала боя. Матросы «Рифавца» дружно ненавидели своего командира за неверное обращение с командой. Когда Стройков приказал выстроившимся матросам готовиться к сражению, среди них поднялся ропот. Стройков образовался: теперь нечего бояться военного суда, ропот матросов он легко представит впоследствии как бунт и все равно за судью фрегата в плен шлалит на командир.

По приказу изменника «Рифавца» убрал паруса и без приказа выстрела поднял над кормой турецкой флоты. Плавный турки перелезли на свои корабли, а «Рифавцу» тут же дали канонаду «Фалат-Аллаха», которая кричала «дьяволы».

В эти дни дит у Босфора крейсировали русский фрегат «Глинтадарт» с бригами «Орфей» и «Меркурий». Двое суток море было пусто.

На рассвете 14 мая «Штадарт» поднял сигнал: «Видю неприятеля». На горизонте появились турецкие корабли, захватывая «Рифавца». Выяснив силы противника, «Рифавца» яркими, разноцветными флагами приказал союзниковавшим его бригам уходить от турок тем курсом, каким в данный момент он устроился.

Тихоходный «Меркурий» повернул на север. Два часа гнался за ним турецкая эскадра.

Скалостью берега Босфорского пролива прерывались в еще виднее бурно толкуют, а увидя торшаша над водой гора Мал-Телеси стала казаться выше и стройней. Вдруг, как перед племенем «Рафиза», ветер стих, или, по морскому выражению, зашкелел. Одинокий «Меркурий» с едва надумевшим парусами медленно поплыл с волны на волну. А в стороне турок над просторами моря над веселой верховой ветром. Два самых быстрых испанельских корабля полагали еще одно преимущество в ходе.

С бортов одного из вражеских кораблей, плавающего под шоловым флагом самого Капудан-пашы — генерал-адмирала турецкого флота — грозою гасдела жерста 110 пушек, а на борту другого было 74 пушки. На бриге «Меркурий» было всего лишь 18 орудий.

Командир брига капитан-лейтенант Казарский, неважкий, худощавый, подвижной молодой человек с высокими, красивым лбом, пригласил офицеров на военный совет. По уставу, первое слово принадлежало самому младшему и чине младшему, кроткому на вид штурману Прокофьеву. Штурман благоволил перед командиром. За 14 лет службы много матерился он от бредящего высокомерия флотских офицеров к штурманам, набравшимся из детей мелких чиновников и заслуженных матросов. А Казарский был всегда приветлив и задушевен. Прокофьев поинтересовался, если военный совет решит, что сопротивляться бесполезно, Казарский запретит в каюте и предпринять плыть нуль в высоту.

Прокофьев затворил, молчуя.

— Предлагаете биться до крайности, а вчерашнее все средства, последнее в живых офицерах выстрелом подвешь пороховой потреб брига.

Казарский сдержанно обнял и расцеловал штурмана. Предложение Прокофьева было принято единогласно.

Матросы вывели чистое верхнее платье, а офицеры сместили будничные погоня на парад-

Спокойным голосом отдавая команду офицерам и матросам, Казарский расовито жевал и курил, который носил обычно при себе в пакежке. Имя был его слабостью, особенно лужневский — самый лучший из азиатских сортов; крутиный, наумудро-зеленый, очень сладкий и сочный.

Задремли барабаны, и матросы выстроились вдоль бортов во фронт. Они были задумчивы, печальны.

— Скрывать ничего. Положение безвыходное — затворил Казарский. — Но я верю, вы сплаете честь своего флага, подвигаете желанье жить, не нарушите клятвы, данной при присяге.

Он говорил откровенно и убежденно. Его маленькая фигура давала решимость в аэрой в святость своего долга и мужество подчиненных. Подобно Прокофьеву, матросы благоволили перед ним. Только при этом требовались, по отчаянности и безучемно мещетрх лет издательству Стройникова, недавно переданного Казарскому команду над бригам. Воодушевлен командир передался матросам. В тот момент, когда Казарский кончил говорить, на бриге раздалось дружное матросское «ура» — грозный крик прокатился вправо и прокатился в левую, слышнее и ликующей весенней землей.

Турецкие корабли открыли огонь по мачтам и парусам брига. Пробой боит, вражеское орудие убило трех матросов. Казарский командовал:

— Убрать убить... К орудиям!

Обы начался. Что-то нестройное, гнусное было в этом безжалостном и безнравном маленьком, беспомощного брига. На втором часу зариwego, жестокого боя, несмотря на искусные манеры «Меркурия», турками корабль удалось повалить его между собой и двумя яхтами нанести десертные повреждения и про-

Контуженный в голову, Казарский был жив. Когда он очнулся, уже перемазали рану и хотели унести в каюте. Он сардато приказал убрать носилки, поднялся и, опершись на Прокофьева, привалил опять командовать боем.

Из осторожности турецкие корабли отошли за корму «Меркурия», продолжая сыпать его ядрами и картечью. В твоем брига жестокая и конючихины загнаны преобладали досадными и комьями дыма с ядом. Над порохом потребом вспыхнул огнь от зажатого огня снаряда, но кривогазанный утероперфер, придушенный к треску огня и ударом тупора (матросы рубили турецкие стволы), невозможность продолжал вывалить для пушек картузы с порохом. Пробегавшие по палубе подожжеными картузов перепрыгивали через гонимых и убавка, вываливших из несладкой пушки.

Роквая разбитая приближалась, но в злобном дыму порохомому гордо развалился испорченный выстрелом турецкого корабля и срезали снасти буншита, створенный выстрел Казарский вместе с обломком реи сорвался вниз. Грогматка вышла из строя, а остальные стали неустойчивы, ненадежны. Оглушенные залпом, турки растерялись. Огромный, неважкий корабль изуроченно повернулся и бесцельно лег в дрейф.

Что-то похожее на надежду блеснуло в воспаленных глазах осужденных на гибель людей.

— Ходы корг над обломками, да оборачивай! — хрипло выскочил кто-то в брже.

Чтобы не допустить удивительного для себя конца боя, второй турецкий корабль непрерывно менял галсы и бил «Меркурия» укалыми продольными залпами. Учас ти часа дался бой. Разкалываю пушки охлаждали укусом и морским шабамом. Полузадушенные дымом артиллерии в лихорадочном рвении ошачили бышками* пушечные дула от талыхих остат-картузы и ядра.

Измученные канониры «Меркурия» показали еще раз свое искусство. Меткий залп сбил на вражеском судне реи переселенца и срезал мачт, от грохнувших вниз парусов на палубе возник страшный беспорядок. Грогный корабль сконфуженно повернул назад.

Так неожиданно кончился этот удивительный бой.

На следующее утро, после подема флага, Казарский с бледным, но счастливым лицом пылко благодарил матросов за службу. Раздалась команда «Завор!» Матросы вывалились на каруат. Казарский торжественно пошел к стовпяному передку палубы шпилью. Со вчерашнего дня здесь лежал зарывший пистолет, выстрел из которого должен был взорвать пороховой потреб. Казарский взял пистолет и выстрелил в воздух. Над сверкающим морем прокатилось горное, ликующее матросское «ура». После церемонии книги записи:

«Об матросских-батиниши.
Молоды ригунтун...
88, гей, гей, ха-ха!»

Героическую команду брига достойно отметили. Все без исключения матросы получили должное количество жалования. Казарский и Прокофьев были помываны в чинах, обоем с почетно вручили военные ордена.

Вернувшегося через год из турецкого плена и сержанов и прапорщика его к каюте, запрета после отбытия наказания жениться, дабы трус не оставил России влостота турков. В 1834 году на мачту над входом в Севастопольский порт, был воздвигнут постамент с чугунной моделью старинной испанской каравеллы. Скронная надпись гласила:

«Казарский. Погостому в пример».

— Пробой-камера — пороховой потреб.
2 Барту — вкертый меник с порохом для одного пушечного издательству метной.
4 Батини — шаре о цилиндрической метной.

Бой брига «Меркурий» (в центре) с двумя турецкими кораблями. С гравюры прошлого столетия. Внизу — портрет А. И. Казарского.

боим, Казарский упал с окровавленным лицом. С корабля Капудан-паша раздался торжествующий крик:

— Сдавайтесь. Убейте праула!

Бриг отстал бешеным залпом.

* Имени сивиллов, которые перебарывали дуть в дупло вощины корабля, являлось военной тайной.

На лыжах с Эльбруса

Поздно вечером мы возвращались в Тегенчики — тихое бажарское селение, прилепившееся к отрогам Эльбруса. Холодная и ясная луна висела над хребтами.

— Итак, завтра выходишь на Эльбрус, — сказала одна из наших спутниц. — Побываем на самой крыше Европы... Под тобой будут облака, с самолета носятся орды. Даже не верится!

— Так-то так, только про орды скажем — это вы уж фантазируете! — засмеялся инструктор. — Пятый год поднимаюсь на Эльбрус и не видел ни одного орда над вершиной.

— Ну, а гапки? — неожиданно спросил это темноты задронный певучий голос.

— Это была горнолазница, москвичка Галина Тажкина.

— Тем более. Куда ей, гапке! В лучшем случае долетит до седолавины, а выше — пороха не хватит.

Все засмеялись этой шутке. Засмеялась и Галина Тажкина. На минуту она залюбовалась в хвостик ли, действительно, у нее сил и энергии, чтобы совершить амьный спуск с Эльбруса — величайшей горной вершины Европы? Ни одна спортсменка мира еще не спускалась на лыжах с такой огромной высоты.

Правда, Тажкина давно занималась горнолазным спортом; ей было присвоено звание чемпионки СССР по скоростному спуску и чемпионка ВЦСПС по салаауму; ей принадлежала рекорд страны по прыжкам на лыжах с трамплина. Вот уже восемнадцать дней она жила на «Притоке одиннадцати», привлакая к высочайшей тренировочной базе. И все же завтрашнего дня она ждала с волнением.

***

Задолго до рассвета ее разбудили: — Выходи!

В темноте поскрипывала снег, мелькали тени людей, выходящих из отела.

Галина подняла капюшон, привычным движением затянула крепления, охватывавшие стальной пружиной ботинки, и, не дожидаясь замочкавистых альпинистов, двинулась в темноту, над которой скорее угадывалась, чем виднелась призрачные вершины.

Ветер уюлок, и Тажкина погрузилась в мир тишины и величия. Горы спали богатырским сном, не удостоивая своим вниманием людей, медленно, но упорно

Галина Тажкина.

подымавшихся все выше вела за обогнавшей их альпинисткой. Галина шла легко и быстро, втягиваясь в темноту. Было так тихо, что из темной глубокой бездны, издавала, доносившаяся дружное пыхтенье поднимающихся людей. Звонкая гвозди на Стреликах. Вспыхивали фонари в руках инструкторов.

Медленно тянулася мимо скал цепочка альпинистов. Подошли альпинисты, вместе с которыми Тажкина должна была спускаться с вершины. Мерно работая палками, шел известный горнолазник Вадим Гинперрейтер, учитель Галины, год назад первым из спортсменов нашей страны спустившийся на лыжах с Эльбруса. Вадим поднимался на расколотой лыже. Она сломалась на погоне. Он пробовал стянуть ее проволокой, но аль-

жа опять раскололась, как палук заклипывшись в снег.

— Придется бросить это дело, — решительно сказала Вадим. — Надо поворачивать обратно!

Мягко согнув колени и повернувшись ловким туром валеа, Вадим нырнул в темноту. На какое-то мгновение Тажкиной стало не по себе. Холодно. Пусто. Куда ни глянешь, сплошной мрак. А тут еще беда с Вадимом! С ним она чувствовала себя увереннее. «Ну что ж, откатывайтесь до спуска, повернуть назад! Нет. Это просто неприлично». Она поправила шапочку и решительно рванула приморезные амьки.

Темнота релала. За круглыми вершинами Донгуз-Ордуна молния стегала хмурое небо. Огромная черная туча злобеще надвигалась из-за Хотугу-Тугу. Удары грома раскатывались по ущельям. Непонятное ощущение скользя движения и мысли, нервное напряжение овладевало альпинистом. Глядя с удивлением прислушивалась, как дребезжат колючки амьки. В чем дело? Тренинг нет, амьки неаы. Она незакончилась, и металлическая застежка костюма боинто укусила ее за ухо. Все стало боинто: надвигается гроза. Потрескивала инвекстрозированные крепления амьки, металлические колючки пааак, даже волосы.

Но вскоре туча растаяла и асткий ветер промчался по горе.

Первый луч золотой шаглой тронула снега, одна за другой зажглась вершины. Спокойно восходила солнце. На бездонное небо и далеким горам метала гигантская густая алаявая тень — две вершины Эльбруса в нибие из рауга. Вершины приближались. Они выглядели теперь снежными холмами, совсем близкими: рукой подать.

Пять тысяч триста метров над уровнем моря! Покрывает жестким снегом седолавины, как плащаница в большом дожде направо — восточная вершина, налево — западная. Галина без особого удовольствия осматрела скалы, стремительно падавший к седолавино. До чортихоз круто!

Смокали шутки и разговоры. Высота давала себя знать. На привалах люди валились на снег, готовые ложить, ложить без конца. Но нужно было встать, и люди, тяжело переставляя ноги, согнувшись как бурачки, тянувшие большой груз, подымались по хрустевшему фиру.

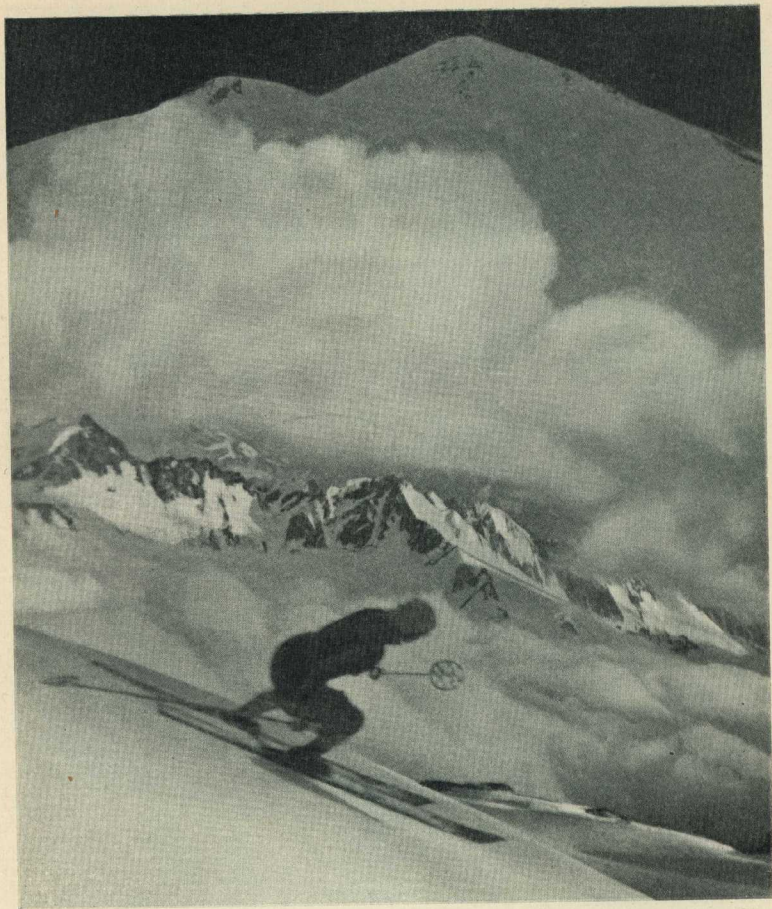

Далеко в горы на тренировку уходили лыжники. Окрестности «Притока одиннадцати» были испещрены амьными следами.

Только что кончился спуск Галины Тажкиной с вершины Эльбруса. У «Притока одиннадцати» ее встречают товарищи.

...Скорость обжигает лицо. Впередонки с острем ичится лыжня по крутому склону.

До вершины осталось каких-нибудь двести метров по вертикали. Кажется, немного. Но высота парализовала все силы: кровь гульсировала в висках, руки висели как паети, каждое движение требовало борьбы с усталостью. Когда, наконец, сквозь облако, сидевшее на склоне, альпинисты вошли, впола-

зи, везая на восточную вершину Эль-бруса, у них невольно вырвался победный возглас:
— Ура!
Гаина приподняла дымчатые очки и подошла к краю. Горные цепи замерзшими волнами уходяли к горизонту. Мир легка под ногами, как большая рельеф-

ная карта. Шурясь до бои в глазах, лыжня разгадывала спуск. Склон резко обрывался. Трудно было не только разглядеть, но даже представить, что же лежит на обрыве. Можно сломать голову на этих камнях! Она поглядела на альпинистов. «Готовятся к спуску, счастливцы! Пойдут себе, не торопясь, по-

гонку». Гаина вынула из кармана горсть изюма и стала медленно жевать его. Хотелось есть. Как жаль, что она не знала чего-нибудь вкусненького.

У края уже встали инструкторы и подняли часы:

— На старте!

— Таежная повела лайчихи.

— Заскочил время! Дави ходу!

Таежная ринулась вниз.

***

Скорость обогнала лыжню. На твердом льду распознали, что не помогали даже стальные канты на ребрах. Слезы бежали по щекам. Гаина изворащивала лед между камнями. Ставшая лыжня на ребра. Повороты делала с опаской, чтобы лыжи не разлезли, как взбесившиеся кони. Но скорость нарастала, как снежный ком, и Таежная вылетела на седловину, потеряв ощущение времени. Давно ли она едет: миг или вечность?

Солнце уже пригрело снежные поля. Начинался тихий, безветренный день. Лыжи погружались в снег, покатились по снегу, с трудом поворачивались в его зернистой, ледяной гуще. Широкие поля уходили к невидимому концу. «Приютю одиночества», — думала Таежная, вспоминая лыжи семи вылезли Гаину на склоне. Она отключила капюшон и помчалась по снегам.

Еще на «Приютю» ее предупреждали: «Не вдумай охоту, например, котенка не соберешь». Памятуя это, Гаина выписывала своими лыжами широкие дуги на снегу. Темными складками выскочила навстречу. Тресщины возникли в камнях. Поворот, еще поворот, и все оставалось позади! И снова снег да неистовый ушах. Ноги дрожали от несомерного напряжения.

Вдур Гаина, круто повернув перед огромным камнем, едва удержалась на ногах. Резко рванула коленку, захватили лед... Как больно! Остаток снега, дуть... Да стоило жалко и ногу и себя, в голову полезли всякие мысли. Она вспоминала, как прошлой зимой на соревнованиях по салянку смирно сидела круглой горы, стоя на одной ноге, словно быт, а ребята кругом говорили: «Гаина — пижик». Задумался. Для фаната на одной ноге «сесть», а все попусту у него тогда сильно болела нога и невозможно было ступить на нее. Ехала и ползала сезамными дистанции. И все-таки выиграла соревнование. «Пижик» Неужели она раскиснет, не преодолевает болот? Альпинисты, наверное, перевалили седловину и сейчас обгонят ее. Неужели обгонят? Нет! Никакого Нечего хныкать.

Только замерзшие салазки на цепях свидетельствовали о минутной слабости. Таежная надела лыжи и ринулась вниз. Мертвая ледяная пустыня стала перед ней. Маленький человек — и огромная гора! Борьба продолжалась. Кто кого? У «Приюта Пастухов» Гаина нацелилась на ту точку, где, по рассказам, находится фаяс турнетского отеля, и помчалась по прямой. Вся гора кипела уже навстречу, обводя снегом лыжи. Востер рванула полы куртки. Складка лыжи слетела с глазками. Нет, конечно! Придется скинуть лыжи и повалиться на снег. Нет больше сил! Крышкан!

«А ну, еще чука-чука!»

И вот из-за чука уже вынырнула блестящая фаяс отеля, и Гаина остановилась, тяжело опираясь на палки. Дохлая! Она стояла неподвижно, розовая от ветра, удивленно глядя глазами. Вдоль Гипнерферре уже возмизала с обледенелыми креплениями ее лыжи. Вот они вытисли! Лыжи извонит ног Гаины, и она все еще сидит неподвижно! Сказал кто-то говорил, что Таежная — молодчик спустился совсем свеженькой. Но Гаина знала одно: если она сделает хоть бы один шаг — упадет! Оказалось, что спуск Таежной с Эль-бруса продолжался всего сорок одну минуту. Колени альпинистов подошла к приютю только четыре часа спустя.

М. ПРИШВИН

ИСТОЧНИК АЛТЫН

Редакция журнала «Омена» предложила мне написать о своем творчестве, и как раз в это время я писал письмо об одном из так называемых моих учеников. Много неприятного приносили мне письма этих учеников со вздохами в тот же конверт их раскисшим и пропавшим, если поворачивать, устроит в журнал.

Неприятное чувство, как и мало-помалу разболелось, происходило от подражания внешней форме моего писательства, заманчивого у них письма, которые сколько-нибудь соответствовали бы моим переживаниям, переживаниям моего форму.

Не хочу я, конечно, сказать, что не важно учиться у того или другого автора: я хочу сказать, что усвоение формы писательства играет бесконечно малую роль, сравнению с трудностью организации внутренних художественных отливок на впечатлительности жизни. Вот этого стоит научиться. И я уверен, что если б мои ученики думали об этом, а не о форме, то бы, наверно, не испытывали неприятного чувства от этих рассказов.

Когда я начал писать и у меня что-то «защелкнуло» на первых порах и сразу же, не зная времени, бросил думать, о чем мне писать. Напротив, том, как писать, я уделял очень немного времени. И здесь я был Пустышкой и с карандашом в руке делал по своему плану что «Книжечкой» до конца. Вот и все. Но зато я очень много времени проводил работу своих собственных произведений: сначала я не слыхал ни о чем, потом, после того, как вспоминал и начинал писать, отставалось внутри меня. Этот отстой времени приводил меня к радости, и радость в свою очередь побуждала меня к новым достижениям. Так вот я и писал в радости, которой сопровождается удачно созданная форма, но никогда не ставил себе целью самую форму и никогда не глядел на других с целью изучения формы. Так мое писательство стало для меня школой радости.

С самого первого моего рассказа о белом перепелке, которого мы напрасно пытались поймать с одним старым охотником, я понял,

что писать мне надо лучше всего, вернее всего о чем-нибудь любимом. С самого начала я понял, что лучшее, любимое мне доставалось в детстве от встречи с природой, и, сознавая, что нельзя же писать о каждом скучными материалами своего детства, я старался устраивать свою жизнь для удовлетворения сохранившего в себе самого ребенка. Я путешествовал по Индии, где фотографировал, учился выходу, имея целью ознакомить в себе собственное внимание к миру природы, медленно, с осторожностью, подымаясь к чужеземью и его образу.

Родственное внимание, робкое личное мое выражение того, что все называют разноречивым словом «любовь», всегда неизменно приводило меня к радости. Так вот и совершенствовались формы прозы, и я начал контролировать чувства радости. Мне хотелось видеть во всех отношениях было школой радости.

Много раз искушал меня стремление к учительству, мне хотелось, по мере художественной формы, столь медленно-трудной в своем выделении, прямо, у учительских слов как обратиться к читателю с своим излиянием родственности внимания, школой радости и любви, что и я начал в своем опыте. Но я отключил от себя школу учителя, желая остаться другим, а надежде, что создаваемые мною рассказы и повести станут для читателей школой радости.

Но, может быть, и не стану? И жить я свою напрасно растравил? Конечно, это возможно! Но я думаю, что мне не надо завидовать жизни человека и двигаться вперед. Весь вопрос в том, чтобы неистовство от этих сомнений не сохранила себя исканий на пути создания радости, а желание сказать, что внешне подражание моей форме доставляет мне, скорее, ощущение чужд радости.

Всему, однако, свое время: посею — надо ждать урожая. Я усталый себя тем, что рано ли, поздно ли, но мне побудит не уступить. Возможно, неужем мой замысел от того, что я не в достаточной мере расширил свою личность, и ее влияние не достигнет тех пределов, за которыми тайтся мои настоящие друзья. А еще я думаю иногда, что, может быть, и не мне самому придется открывать моих друзей, а придет учитель, добрый Пустышкой, и соберет нас всех в себе.

Надихн получив и из доброй якутской тайги от своего ученика письмо, которое мне в пример горю, порадовался. Особенно порадовался мне, что автор пролет извинения на несколько подражание мне. Попробавал же это потому, что извинением своим автор делает упреждение на чем-то более существованием чем только формой. Омерзело потому, что автор подражает не форме, моему, а существу внутренних моих исканий. Перед каждым, кто прочтет этот очерк, ландшафт сибирской тайги окиает. Вот этот очерк.

В тайге

В тот год весна где-то задержалась, и может быть, в Индия, и пришла в Якутию подождать на две, на три недели облетного сезона. Я приехал сюда в середине июля, когда шиповник еще не отцвел, а брусника не покрывалась. Из того сорвала только кисель-черника, жемчужность, чем-то напоминающая мне барбарис. Нечелси через две-три послеплет голубика, морошка, затем брусника, черника, княженика и я, наконец, царяка северных болот — альфа.

Широкое северное русло, неисхоженные болота, непроходимая тайга без конца, без края, и цветы, и щетки...

Я голую, иду рывые драгоценные камни, часами могу алкобывать блеском изумруда или топаза, а живые самородки — алмазы, лезвия, Ивал-чай — еще прекрасные, хотя красота их — уныл — крижор-коричневый, и в тропе и смотреть в высокое, чистое и голубое, как сапфир, небо и ни о чем не думать. Потом встать, призываю свою котоземку и иду дальше, в

сизые сопки. А вечером развожу костер, устраивая свой лагерь под какой-нибудь джорговыми скалами, и долго сижу среди цветов, смотрю, как меняются краски и затихают звуки, люблюсь изумрудом Си-рунера.

Сейчас все еще стоит белые ночи, зоря вечерняя славится с утренней, но уж стало показываться звезды. Легкие белые облака медленно уходят за сопки, в сторону Охотского моря. Прохладно. Густая тайга залезла на платаны, все ли крыта обильной росой. Даже селые, унесенные мхом истинности покрыты вла-

На тундрной реке.

Фотограф Д. Дебабин.

гой, как после дождя. На поляне много цветков синих, солнечно-желтых, голубых, красных. Я не знаю, к какому семейству и к какому относится эти живые ароматные самоцветы, и, может быть, в оправдание своего невежества, вспомню Гюиса, который всегда соривался, когда сухие люди не замечая прелесть цветка, считал тычиночки и называл класс, тип и латинский его имя. Вот огненно-оранжевая гиттиская мята, традиционна наконца свою голуюку—ястичающую звезду. Эту мяту прикрепить бы на башню Кремля: ведь цвет ее—цвет солнца, цвет жизни, цвет радости. А вот какой-то цветок вроде мака, но гораздо крупнее и, кажется, ярче пылает неугасающим костром. Рядом белые пушистые цветы, голубые мастики, синие колокольчики, но больше всего здесь сиренево-красных, в рост человека, цветков Иван-чая. Целые дикие плантации Иван-чая! Иван-чай, Иван-чай! А жаль, что здесь нет Марья-кофе, Пещаночника...

За поляной кусты ольхи, ветвы и березы, а за журчащим калюком сразу же стоит амтениница и оян, и на сотни, тысячи верст идет спутанная, неприветливая тайга. На некоторых высоких сопках тайга образуется, но и на сопках, являю, Иван-чай. Кое-где между мохнатыми сопками непонятно лежит, как отставшие журавли, ольха, туман. Здесь высоко, так как два горных хребта—Становой и Блоковский—перекрывают здесь свои стороны. Отсюда во все стороны бегут каучукисто мохнаты и неукротимых северных рек. Из-за большой высоты местности здесь днем, под приямком солнечными лучами, жарко, а ночью холодно и ослеплосито. От холода даже комары приучились. На веточках и лепестках Иван-чая, как на руках ребенка, повисли ослеплосившие бабочки-бабочки. Я беру одну из

них и сопереваю своим дышанком. «Бабочка» просыпается, повисает изящными ножками, взмахивает крылышками и в теплой ладони падает на холодную землю, снова очокивается. Осторожно повнималк спущу красавицу и устраиваю на цветке пусть спит до солнца.

Первые солнечные лучи изнутри заблужают убегающие к Охотскому морю ольхи, скользят по вершинам сопки и, захватывая деревья за деревья, спускаются до моей поляны... От росистой травы поднимается сначала легкий и прозрачный туман, потом он плотнеет, и солнце уже не видно; оно пылает тусклым диском, как уличный фонарь в осеннюю моросистую ночь.

Я решил документально описать восход солнца и заметил первый луч ушла на бабжйкую сопку в 4 часа 28 минут. Затем осветилась вся долина, но через 10 минут все пропало в тумане.

В 5 часов сонным голоском чирикнула в кустах соловушка какая-то птичка, обаяринула и умокала, может быть, споласкувала. Потом гасчо далеко проснувшись кукушка, ей отозвалась другая: «Ку-ку, ку-ку». И снова тишина. Слышно лишь приглушенное туманом журчанье калюка. В 5 часов 10 минут сразу, будто по команде дирижера, раздался со всех сторон разногласный хор птиц: это гимн солнцу. И кажется, что от этих радостных звуков, а не от легкого ветерка, неожиданно повнималкго из-за скалам, чуть-чуть заколыхался туман. Солнце заиграло в миллионах капелек росы на амтеничниках, и эти деревья стали прозрачными, как горный хрусталь. На кустах ветам заблестела отраженным светом лугутина. Как хитро науз устранил свой итеничник! Когда поуже ветер, то авачавались кусты на оборуд лугутины, как как она не натанута, а висит свободно,

Ветерок совсем проснулся, и даже смотрит против солнца, то видно яростные мелкие капельки тумана. Туман рассеивается. Лучи солнца начинают тикать-тикать. Капли росы дрожат и перемываются тысячами огней, как бриллианты.

А солнце все выше и выше. Моя пестренькая бабочка-бабочка пошевела ножками, проползла чуть-чуть, отпихнулась от цветка и, как-то неумеренно кружась, ушла на траву, потом поднялась по стеблю мятлика, на минуту задумалась и подлетела от цветка к цветку. Делитки бабочек стали кружиться над поляной.

Ветерок прекратился, тумана уже нет. Почему-то вдруг запахло грибами, точно и они проснулись и присоединились к общему ликования. Прогула пимала. На сухой суке сдвинувшегося жерда висела пестрый зябрак—бурундук, но, заметив меня, снова ускакал. Пронусал тайга. Доброе утро! Все заповедалось, заблужало, запорхало. Трава, отлепленная росой, расправляет свои стебли и растет, растет. Воздух жизни! Даже на скале дюрита растут мох, шиповник и Иван-чай. Пальник, который находится на соседней сопке и, весь зарос кустами борозы, ольхи, травы и цветками. Растения расплаываются в несомненно этикой. Даже тенистые места заняты ветром и какой-то травкой с белыми цветками. Короткая, северная весна. Каждая травка, каждая птица и зверушка освещит жить, цвести, создавать себе подобный. Даже комары, и те закружились в сладбесных хоровах.

Часы показывают шесть. Доброе утро, жизнь! А в Москве сейчас полдень. Кремлевские часы будут двенадцать. Люди ложатся спать, Спокойной ночи, дорогие!

И. ШАРАЛОВ

Гранатометчики выдвигаются на огневой рубеж

Фото Н. Савицкого

СНАЙПЕРЫ

«Снайпер — сверхточный стрелок, имеет своей основной задачей уничтожение снайперов, офицеров, наблюдателей, оружейников и пилетных расчетов, высококлассных самолетов противника и вообще всех важных, появляющихся на короткое время и быстро исчезающих целей.

Снайпер действует в составе снайперской пары, выполняя по очереди обязанности стрелка и наблюдателя.

(Из «Боевого устава пехоты РККА».)

Тропинка обрывалась около ямы, темневшей на снегу. Это был ход в землянку. По обледенелым ступенькам спускались вниз. Княтин — командир батальона — инструктировал группу разведчиков, уходящих в ночной поиск.

— Снайперы? — обратился он к Виктору и Василию Ермолеву. — Очень хорошо, мы вас ждали. Сегодня отдыхайте, а завтра познакомьтесь с учаском.

Капитан вызвал связанного и приказал отвести вновь прибывших в землянку к разведчикам.

Денисов и Ермолов знали друг друга давно. Вместе они занимались в снайперском кружке при заводе, вместе подавали заявления с просьбой отправить их на фронт, вместе уехали из Москвы. Их назначили в одну часть.

Бойцы радужно встретили добровольцев. Началась расправа, разговоры. За беседой быстро пролетело время.

Утром Денисов и Ермолов вызвали капитана. Он познакомил снайперов с командиром роты, и все четверо пошли через перелесок в окопы. Пригibasил, шай они друг за другом по холмам обходящим.

Вдруг над головами пролетела пуля, потом — другая.

— Выдали?! Это из лесу был? Завтра попробуйте обнаружить «кукушку», — сказал капитан.

С наблюдательного пункта, искусственно замаскированного еловыми ветвями, видны были вражеские позиции: сосновый лес, перед ним низина, покрытая снегом, кусты торчали пни, расцвещенные снежными деревьями.

— Удобнее всего зацель вон за тем деревом, у камня, — показыва капитан. — Ночью снайперы отстроят для вас окоп.

Он рассказал снайперам об их учатке, наметил сектора наблюдения. Познакомились с местностью, Денисов и Ермолов возвратились обратно.

Днем они пристреляли винтовки, вечером рано легли спать, а перед рассветом, надев башмаки маскировочные хаалты, отправились в лес.

Тихо, зажав дышанье, снайперы перелезли через бруствер, дождик по снегу пробрался в низину, поросшую мелким кустарником. Вот и камень, который указывали им капитан. Возле камня свежесрытый окоп.

С трудом пролезли в нору. Спровадивший их боц прикрыл отбегавшие ельничком, загорюничав снегом. Даже близко трудно было обнаружить, что здесь раскопан наблюдательный пункт.

Время тянулось медленно. Стало рассветать. Сквозь щель, устроенную для наблюдения и стрельбы, Виктор в бинокль увидел ряды траншей, надоб, проволочные заграждения, а позади, еле различимые, полигамисы неровные бугорки — брустверы белофинских траншей.

Внимательно просматривали снайперы весь участок. Их интересовали и сапшном густые ветки на дереве за проволочными заграждениями, и воронка с чрезвычайно ровными, точно обработанными лопаткой краями, и тропинка, исчезающая в лесу.

Снайпер должен быть очень наблюдательным. Кто знает, может быть, в густых зарослях укрылся стрелок-«кукушка», а тропинка ведет к огневой точке или к бункеру? Каждая мелочь имеет огромное значение.

Виктор передал бинокль Василию, а сам взял винтовку.

— Лесом кола из траншеи торчит штык — шпотоком заметил Василий.

Виктор взглянул сквозь оптический прицел винтовки и действительно увидел штык. Затем над бруствером показалась каска. Виктор прицелился и спустил курок. Раздалась выстрел — каска исчезла.

В бинокль Василий увидел, как пуля, вместе с огнем, превратилась в бруствер, как раз около каски. Промая! Штык финского солдата снова полаял над бруствером и вскоре исчез.

Прошел час, другой. Стало холодно. Мороз пробрал сквозь полушубок и валенки.

Снова и снова снайперы пристально рассматривали густые ветви на огромной секате. Вот как будто кохнухалась одна из веток. Минуту через пятнадцать она опять зашевелилась. Хаалка снега посыпалась вниз. Ну, конечно, под защитой хвост кто-то скрывается. Снайперы окончательно убедились в этом после того, как с дерева раздался выстрел и голубоватый дымок растаял в воздухе.

И в то же мгновение Василий выстрелял. С дерева упал финский стрелок. Спустился час к убитому, низко пригibasил к земле, подполза человек. В бинокль отчетливо были видны погоны с золотыми нашивками на плечах. Еще один выстрел — и финский офицер, замкнув руками, повалился рядом с «кукушкой».

Когда наступила ночь, Василий и Виктор выбрались из своей норы. Замерзшие, усталые пришли они в землянку.

Так прошел первый боевой день снайперско-добровольцев.

***

Не раз Денисов и Ермолов ходили вниз в разведку. Они хорошо уже знали окрестности, расположение вражеских окопов, траншей, дотов.

Как-то раз разведчики обнаружили, что белофинны сделали проход в своих проволочных заграждениях и минировали его. Видяно, они рассчитывали, что наши разведчики попадутся в раставленную ловушку. Надо было разрушить вражеский замысел.

В полночь Виктор и Василий пошли по знакомой дорожке к финским позициям. Кроме винтовки, патронам, бинокля и гранат с продуктами они несли с собой ложку и красноармейскую каску.

Под покровом ночи снайперы выбрали наблюдательный пункт около порога ледяного проволочного заграждения, замаскировав его, потом, захватив каску, ложку и шпатель, поопали к проходу, сделанному финнами. Василий прикрепил стальную каску к проволочке, а к каске подвязал шпатель. Длинный шпатель снайперы протянули к своему убежищу, а когда рассвело, стали держать за боковую — металлическая оська ударилась о каску, издавая особый звук, похожий на бряканье котелка или затвора винтовки, зашедшегося за проволочку. Финны истерзились. Над окопом маленькая голова испуганно надвигалась, и тут же исчезла. Василий снова дернул за шпатель. Ложка ударилась о каску — и показались заграждения, режет проволоку. Ветровосвещенный наблюдатель-финн опять подползал, в то же мгновение пуля Виктора сразила его.

Справа, из-за дерева, раздалось несколько ружейных выстрелов. Это были стрелки, приняв каску за голову красноармейца, открыли огонь. Но едва огонь утих, вновь посыпалась металлическая оська. Из окопа вышел сержант. Меткая пуля снайпера уложила его и.

В стане врагов поднялся переполох. Они, видимо, решили, что наши части готовятся к атаке с фронта. Это и послужило нам со всех сторон. В том месте, где лежала заполученная каска, разорвалось несколько мин. Раздался сильный грохот финны взорвали фугас, скрывший проход. Заговорили пулеметы. Этого только и ждали наши снайперы. Виктор прицелился, спустил курок — и пулемет замолчал.

Три финны, говорившие ловушкой для советских разведчиков, сами попали на хитрость двух снайперов. В этот день Василий и Виктор уничтожили трех финских солдат, пулемет и разрушили из строя вражеский станковый пулемет.

***

Стояли суровые, сороскараженные морозы. Временами поднималась пурга, завывала лесная вьюга. Но жестокая борьба на фронте продолжалась с неубавившей силой.

Рота, где служили Василий и Виктор, отводилась и заняла позицию, прозванную «Поворотной». Напрасы были яростные короткатыки финнов: высота оставалась в наших руках. Но по дороге, которая вела к «Поворотной», днем нельзя было пройти. Пригibasил в лесу «кукушка» — сражал смельчак. Первым погиб старшина роты Андрей, доставивший бойным продукты. Его ницали, у подняли простреленной рукой. Вскоре командир взвода Белева, убили двух бойцов, которые шли с доносением в штаб батальона. В лесу, у дороги, появился связной жидок вражеской стороны. С тех пор переакоп прозвали яростной смертью.

А невнимательный враг продолжал безнаказанно стрелять.

И вот тогда снайперы Денисов и Ермолов получили приказ комбата — обнаруживать и уничтожать финского стрелка.

Целый день прождал на морозе Виктор с Василием, но, как ни напрягались, как ни осматривали каждую мелочь, ничего не могли заметить. Может быть, враг оставался в той же наблюдательной точке? Но вот вечер, было так поздно, связист, проверивший телефонную линию. Значит, неприятельский стрелок находился где-то поблизости и отчетливо видел все, что происходило на позиции Денисова и Ермолова. Решили взять врага хитростью. Срубив немискую пушистую елку и низинув на нее маскировочный хаалат, они ночью отнесли чучел

ло в «рошу смерти» и положили его на тропинку, а сами залегли между деревьями, моргах и соросом друг от друга. Две веревки, засыпанные снегом, тянулись от чучела к снайперам. Ночью чучело этого не было видно, а при дневном свете оно казалась живым существом. Вдоль с ним аскала винтовка. Когда веревка натягивалась, «разведчик» начинал шевелиться.

С утра все было тихо, снайперы терпеливо ждали. Наконец, днем из просеки раздались звуки короткой выстрела, привлекла пуля. «Разведчик» замер, а потом снова шевельнулся. В это мгновение снайперы и замочили финского стрелка. В секунду телескопического прибора видно обозначалась голова снайпера, спрятавшегося под елью. Лицо его было вымызвано белой краской и сливалось со снежными покровом. Денисов и Ермолов выстреляли одновременно. Финский стрелок повалился головой.

Прошло еще около часа. Больше ничего не вызвало подозрений. Снайперы решили возвращаться в часть. Первым выбрался из укрытия Василий. Но как только он поднялся над окопом, раздался выстрел. Василий вскрикнул и упал. Виктор хотел броситься на помощь, к товарищу, но тут же сдержал это порыв. Поэтка к Василию—это значит погибнуть, не уничтожили врага. Нельзя выдвигать себя, нельзя двигаться до тех пор пока второй финский стрелок не будет обнаружен и сражен. Собрав в комок всю свою волю, Денисов словно привоздига себя к месту.

Из-за деревьев прозвучало еще два выстрела. Виктор немолчно встал над восторгом Василия. Его друг лежал неподвижно. Неужели убит?

Еще напряженнее вглядывался Денисов в заснеженную чащу леса, но чувствия ни холода, ни усталости. С методической точностью осматривал он каждый метр лежащего перед ним пространства, снова и снова повторяя этот обход.

Наконец, за деревьями он увиделся притаившегося врага. Принявшись и спустив курок:

— Это тебе за Василия...

Финя приподнялся на руках, схватился за грудь. Денисов пошла вторую пулю.

Долго еще лежал он в холодном снегу. Больше ничего не стрелял. Прежде чем встать, Виктор поднял над окопом шапку. Выстрелов не было. Тогда он осторожно встал из укрытия, осмотрелся и подошел к товарищу:

— Василий!

Ермолов пошевелился.

— Ты жив?

— Жив, только замерз, помоги мне.

Виктор поднял друга на плечи, взял его винтовку и, проваливаясь по комлею в снег, пошел к землянкам.

К машинному пункту вызвали санитарную машину.

Когда раненого перевязали и положили на носилки, он протянул Виктору руку:

— Ну, не помняй лицом!

— Счастливо обошлось. А я уж думал, что убийи тебя...

— Моги бы убит, да я притворился мертвым.

Виктор подумал, какой огромной силой воли обладал его товарищ, столько времени пролежавший недвижимым под пулями врага. Эта выдержка спасла ему жизнь.

Скоро санитарный автомобиль исчез за поворотом дороги.

Еще несколько дней подряд ходил Виктор в «рошу смерти», наблюдал за финскими «кукушками», выбивал дух снайперов. Теперь эта рожь уже не казалась такой опасной. Ни один финский стрелок не рискнул появляться в этом районе.

За вечерним чаем Антропов рассказывал Андрею о предстоящей ему работе.

ШАПКА ГИПСОКРАТА

РАССКАЗ

Путаясь в длинном тундре, он встал с розовой иль и смотрелся. Пошталовало. Ноги, змывание от долгой неподвижности в валах, ступили нетердо. Боюсь покаться смешным и вышину и тем, кто, смугло белая льями, смотрел на него сквозь двойные темные окна, он остановился возле слая, размялся.

Лодья переступала с ноги на ногу, мотала головой — колокольчики под другою леграла и раскачивались, и, должно быть, звук та был несильно прозвонился, но уже с положенны пути он стал замечать, что время от времени этот звук полностью выдал из утомленного слуха. Так было и сейчас.

Желтое и махлявство апрельское солнце, набухшее, точно готовый лопнуть гигантский ствол, стояло до того близко, над самой котловинной, выделось столь востроно обманчиво, что казалось, пробег по направлению к нему до ближайшей горы, и заглянет на него слаяи.

Шлю шумное таяние. С тесовой крыши докторского дома часто и вразбойной шлепалась большая светлая льяли.

Наконец-то и до тайги доревалась весна и теперь вновь шагала по ней, гром и оустошала это последнее снегогрозилше! — Ну, вот и пришла, товарищ доктор! — сказал вышину. — А знон и сам Константин Ефимич пошепает: видно, звякнули ему в больницу. Заждался он вы! А тут дорога, тоно и гляди, ханит. Ну, тогда до самого до лета сиди в Стрелке. Опять бы, значит, один он кластает по всему району! Тундук-то отогреть можно, — лодьвал он и, покровительственно расшепавшись, отступил ему воротник тундуса.

И с таскою силою хлянула вдруг вместо потухивающего сигнала морской тундушной стрелы чистой, пронзительный алах такого шерста, с такой силой каркнула низко проле-

тевшая ворона и проносила ее крылья, что даже голова замружилась.

На какой-то миг ничего он в себе не соиздавал и не чувствовал, кроме сланных, за-холоднелых до самой глубины, дышащих и дышащих легких.

А уж человек, в распрямление которого он прибыл и в котором так несомненно, до усталости думалось в дороге, какой он, как встретит, устался ли перед пощением с ним болельным еще раз перенести прейскрутант хирургическая инструментов,— человек этот, гвараран большого огромного колотороманшанного района, уж тогда перед ним собственной своей персонаю, хуаевый смуглый монголоид с жилистыми с пресладо усевьян, в очках в золотой оправе, стоял и ласково и просто улыбался, лобскывая стеклами, жал ему руку.

— Антропов,— и смугло покраснел, смутился.

Оба они смутились, и оттого, пошдому, что обним выдололось о естественном для них, почти бесовольном переде этой фамилии антропов — человек.

— Саволье,— смущенно сказал он в ответ. — Раз'еданн врочем к вам...

— Очень приятно,— быстрым и как бы угрожим несильно, сибирским говорком произнес доктор Антропов. Расставленными пальцами левой руки он поправил очки, кашлянул и зримо пожелал в своей потертой кожаной куртке.

* * *

Раз'еданного врача Антропов и в самом деле ждал с нетерпением: в последний год жизни обострившегося своего туберкулеза он впервые не смог обхватить весь свой, протяженный в две Швейцария арочный участок.

— Крипича запих своей сапожничьей кожей стон я' кабинета Антропов, куда перешли они

с ним после обильных пельменей, запитых по-сибирски холодным сырым молоком.

Из-за распластуды лица Антропов достал всевозможные засасывающие препараты большой раны, соединенных широко ремешко перемычу,— и, лукаво и довольно усмехаясь, похрюка на пыльный стол. Запах сапожной кожи стал слышен.

— Вот, знаете ли, не зря с Брусиловым за Караты ходил,— сказал он.— Опи! Ко-е-то и для вас пригодится.

Он распахнул сумку.— Внутри какой-то из них, как и в натуральном, в два круга три кожаные гнезда разных размеров, заполненные чисто вымытыми склянками с туго притертыми застывшими пробами. Вытаснул стекло. Антропов отнес его на туалетный столик.

— Сигнатур не наклеили: ни кто-то по-вашему выбору... Вы же притерты склянкой никак нельзя,— сказал он убедительно.

Помоча немного, он продолжал:

— Для разных шафеев, ромашек, для всевозможной тухли, одних только, у вас будет мешочек...

— Пестой, пестой, Коста!— послышался звонкий голос докторши Зои Георгиевны, и она быстро вошла в кабинет с посудным полетением через плечо и тарелкой в руках.

— Дكتورша была в духе!— сказала она, тряхнув коротко остриженными желтыми волосами.— Мы с Марусявой все пальцы выкопали за этим мешочком. Вот посмотрите, Андрей Федорович! А он и это себе в засаду ставит... Хоронит...

Антропов улыбнулся.

— Да, знаете ли, это уже пеленком их аслуа!— сказал он.— Даже самому, знаете ли, захотелось развешивать порабатать.

Он достал из сумки целую горсть пока еще сухих пеленочек. Они были— добротнейший внутренний— на полотна, вшивший из серого коллодера. Тот и другой плотно затягивались, каждый своим пилорочком.

— Мешочки эти из переработанного материала— это у вас будет прокладка, так сказать,— пояснил Антропов.— Хорошо будет,— как бы любящий произнес он,— не вживит, не плещет...

Он застегнул сумку, сел возле стола сбоку и, покуривая, задумался.

Зоя Георгиевна вышла.

— Андрей!— смотрел на этого человека и, незаметно улыбаясь, думал: «А все-таки скажется, что он сидел-сидел столько лет в этой глуши: как много он говорит обо всех этих мешочках!»

— Да,— проговорил Антропов темным грустным и аспонимый.— И помучался же я сивера на фронте! Ешь верхом— стук, бряк, инструмент, склянки— чингачская свадьба! Придется — в сумках क्या как-то, все разлито, перемешано...

Он встал, выключил в пепельницу окурки, прищипнул, как видно, движением полжюки муштук в левой грудной кармане и застегнул.

«И это, должно быть, у него распластрова,— нехлю усмехнулся про себя Андрей.— А все-таки милый, славный человек!»

Новак, под железной крышей, просторная, но одностанная больница на пригорке белевчатая, точно воском затвердела стенами.

В перерывной, когда они вошли, на табурете с привалнутым к нему эмалированным тазом сидел мальчуган лет двенадцати в сиреневом больничном халате.

— Сестра!— приготовившись накладывать ему зеленое от рывачки, мокрые марлевые повязки на уже вскрытый большой язву на лбу.

Андрей, сам не зная как, сказал aloud:

— Константин Ефимович, попользуй, я наложу повязку.

Сестра улыбнулась.

— Пожалуйста,— отвечал Антропов и тоже улыбнулся.— Вот-тебе, что десертно здесь у нас будет?

— Да,— ответил он краснея,— вспомнить захочет шапку Гинпократа.

— Сестра!— многозначительно слово протянула ему бинт, чтобы вместо перекатить его в «двухглазья».

Он приступил к повязке. Уши у него зылали. Стук своего сердца он слышал даже

своєю халат, и ему казалось, что и другие слышат.

Первые холы бинта легли как бы сами собою так по-восточному, заставляя его подумать сознано вмешаться в бессонную память юности. Казалось бы, ничего особенного не произошло. Нужно только рассматривать, сказать: «Забывай!» и перелать бинт осебре. Вероятно, и она забыла уже эту классическую повязку. Но вот миг, когда он доустановал, что не знает, куда вести бинт, бинт, как по-восточному, заставляя его из соловьямслать: бы сейчас же, немедленно умереть, лишь бы только удалась ему шапка Гинпократа.

— Но как раз в тот момент, когда он чувствовал, что голос изменит ему, сбальшипит, сбурчался произнести это ужасное «забывай»,— рука вдруг сама собою сделала нужным ход бинта. Через минуту повязка легла на голые малютку, слово отлетела из гиспа.

Антропов смотрел с благожелательной и довольной улыбкой.

— Да-а,— сказал он,— здорово она у вас получается! А мне бы вот уж и не сделать.

Сестра подвела мальчугану зеркальце, чтобы и он мог полюбоваться. Парень улыбался, а в вышел из перерывочной.

— Ми, правда,— продолжал Антропов, помоча немного,— в этих случаях чаще всего, коллово из липного пластыря обходится. Великолепно держит! Ну, и бинта, конечно, эконо-

Он сказал это попросту, добродушно, но от этих его слов как-то вдруг померкла вся радость от шапки Гинпократа. «Кде в в самом деле, ну почему для какого-то мальчика напутать было столько бинта?»— возмуду со злостью на себя Савельев.

За вечерним чаем Антропов рассказывал Андрею о предстоящей ему работе. Обсуждая край стола, он развернул на нем карту района и стал показывать драги и рудники. Остро отточенный кончик его карандаша медленно пробрался по сплошной путанице горных хребтов, коротких, скрюченных, похожих на мохнатых свернувшихся гусениц.

Андрей добросовестно старался следить за этим острым карандашным кончиком, но глаза так и сдвигались, и в затихшем пиксе самовара все больше и больше начинал проступать откровенный зной коллокольчиков, а сжечь карту, освещенную светом керосиновой лампы под зеленым абакуром, сами собой подымались образы бесконечного «твингуса» тайга.

«Шаррав... Узоронг... Олпюонг... Да ведь это же Мангла, Сукасапта, Амазонка! И Майн-Ридом, Кувером, детством потнуло ядугу от этих слов, от зеленого абакюра, от шестека карты.

— Анопа!— сказала докторша,— да ведь Андрей-то Федорович сит совсем!»

Антропов смутился страшно. Пришлось успокаивать его.

— Да нет, нет!— говорил Андрей, опущившись и сходясь на то, что его разморило от жарко топившейся железной печи.

Торопливо догнав свой чай, Антропов про-смастрил газету.

— Чума в Манчжурии...— бормотнул он.

— Отца мой умер от чумы,— сказала Савельев.

Антропов молча посмотрел на него и отложил газету.

— Он кто у вас был?

— Врач... Умер где-то в Тургайской степи, у киргизов. Похорил туда добровольно, организован отряд. Мне еще и десяти лет не было, когда он умер.

Антропов молчал. Потом снял очки и с каким-то странным выражением лица посмотрел на Андрея.

— Да...— проговорил он и долго так сидел, чуть приоткрыт рот и покладывая книгу высиде, монгольские уски.

— Лег, и едва только спина коснулась горячего от железной печи дивана,— и закачало и почесало!

Из блуждающей и неодолимой разносторонности порывов от два-три раза — и как будто впадал — отшатывал кто-то Антропову, спротивлену о чем-то из своей комнаты, но уже его усилия были собраны на том, чтобы проинвестить, कैसे нужно, слова. Несколько раз от спонтанности, что сказал не то, задрожал и отучился. И кинувшись по горячим слезам сознание еще успевало захватить внутреннее его обмывки.

Потом от услышал, как Антропов пожелал ему спокойной ночи и как он ответил ему. И тотчас же долго одерживаемый шпор причудливо искаженных, разорванных, непредпоподобно сросшихся между собою пальцев шип, захватившие последние сторожевые вышки сознания, и начался все та принудительно достоверная и вместе неуловимая пеленка, гддь и чужь задумывался, на которой он так любил подмысливать и которая немаленко ускользала от него. Нет, не сны это были: от сна хотя что-нибудь остается, хоть какой-нибудь след. Здесь же, как только он, отучившись, спотыкался и пробовал побить вот сейчас, сей миг увидевшее, услышанное им, осветить его врасплох, оно уходило сквозь пальцы, не оставляя ничего. И никак, никак нельзя было вывести на поверхность теснейшего океана этих обитателей его несследимых глубин! Сколько раз пытался он врасплох бросить их, еще жгущиеся, на пренарывальной степи! И если бы удалось это хотя бы однажды!— остановит и с помощью ясно, бодраственного слова взыскать всю немыслимость, непереносимость этих образов, мыслей, даже чужь дискуссий, возникающих на грани дремоты и бодраствания,— если бы удалось, это оказалось бы — он чувствовал — равносильно промыву в мир немысливой геометрии, он стал бы Любавичем мира психического...

Но уже отставалась и крепла дремота, и сдрал техник через мерцающее поле сознания образов стала подыматься с дремоты, почти не уступающей яви, картин, образы, звуки

только что сошедшего пути. Ночь. Снега. Перелески. Звон колокольчиков. Черные, слыше деревни; постольку, пахнувшие толтым навозом двоями; миника, сонивакая, малорочный кашель; зыбни, орущие реялками; с фонарем перекалывающие багаж, и сияет перелески, зыбды, запах тулуана и онга, звон колокольчиков.

Как пронырлял первый пушугий крик в предвостанной тьме, когда просянки по деревьям.

И, наконец, ты, душою замыкающий «ташугий тайги! Все теплее и ярче дым. Тулуны распахнуты. Досра — ах, пролетайтесь, край дороги зыб и рыдл, отваливаетсь глыбами, когда воздух перебарывает, держась за оголобы, с одних сапей на другие: покурты, порасговариваетсь.

Едут распрямку, распутившись на повороты. След сбесит, обжавшей в сторону от дороги, чересна на сыром снегу равными ямками, томно ступит.

Крутыми доклинам идет досра. Многоверстные под'емы — смеяются — многоверстные спусками. На под'осках лавина распластывается в ягуту, на их от'осках задрожат прохлудные борозды.

Все слезает с сапей и идут позад, наклоня голову, придерживаясь за палы, за веревки, ступающие следом.

Но под'ем все длится и длится за клявдом новым поворотом; ноги тукельют, и вот уже ничего нет вокруг, ни тайги, ни солнца, все превращено, отодвинуто, выключено, оставлено, только бесслезный снежный полог из-под сапей, убегающие зыбки снега, одышка, запах морской шерсти и снега.

С храпом пологого пиннежника лошади стали. Попытавшись. Привалившись спиною к сапям, лошади долго не могут отдышаться, молча, неподвижно смотрят в небо. Начинают сгортывать шаржам, но руки трясутся, и маршора свисает на сапей.

Но тяжелее под'оме свуски. Еще заледото, едва толпо почувствуется уклон, волчки промарят веревки, удерживающие следы, волпо переувлажняют полог и для защиты от ушибов и ветра надувают тулумы, козматы, сбсаяды шубы. Никто не курит. Неодушевно шаржам клявды свит. Ужасно, резко, ритмично, тяжело, настроенно ступает рядом с лошадыо, шаржурясь, взглядывается вперед. За уступами уходящей доклинами вниз просека извивается, колесит, волпокивает упряжки, отодвигается назад всем телом. Лошадь оседает на задние ноги, вылезает из хомута. Дровни напарют все сильнее и сильнее. С напаренными лыжами, колесами едва уловимо вползают зыбки сапей. Главной извергаетесь об'ом!

Капаны, скрип, хлест упряжи. Высоко выметываются шапы. На поворотах и откатах дерзает с такой смелой, что лошадей вырывает с дороги.

И только у под'омыи следующего «ташугу» ступает шаг.

Горы нестрит. Местами снег с вихр сбсая, местами его сине жемч. Обрывки ярко блистающего снега клявды издала шаржурная горнистая, бросившись на неотбитую шугру тайги.

Но вот забрался на вершину высокой горы и остановился. Колокольчики смолкли. Обсвещенный слух клявды ступил. Невольно достигал взгляда, открывалась округле, восточнее — синей тайгой горы. Ямшк показал купшумном вперед и немного влево:

«Э-э-во! дорочку видать на горе, но иди будем ехать. Оперк берет до нее остался».

Просека, на которую он указывал, казалась не шире, чем пробор в волосах дровниш...

...это разбулды рудашуй тум стрит, тадакшней в чашии, и сразу же распротравившей армат об'омного кияншом корочева чна.

Но он слышал, что разговаривает пошом, как бы боись разбудить его, и ему жарду, захотелось сделать поспешное угамо, которое было необходимо, чтобы окончательно пропуститься. Это непонимало ему детсно — стелиться, беззаботно — пробраться в родном пшесте, медлительно — пробраться, не открывая глаз, как будто вымирившая после глубокого шрыка: вот светлее, светлее становится зельно тепло, и — уж не боится, что не вымарившись, уж чашею не боится, что не солнце, и уж можно не бояться руками: тепло всплывает само.

Но однажды, когда, неспривая под большю, многоверстной лодкой, уж перевернул совсем и железный забрежсет свет, — вдруг колошная, зловонная тень почувствовалась над толпой, чуть не удержали головою обр что-

то (после оказалось, бревно, подвешенное к лодке), и по вистину, сами сабой, бешно араболоуны руки, чтобы отныне глуже ширнуть; болей, что недостаток дыхания...

Так вдруг омыли он и сформировалась зловонная тень. Нет, нет, ему нельзя отмахиваться, нельзя разнежить!

«А ты не боишься, товарищ аспирант, что работаешь особенно заворот?» — прозвучало в его полусомном сознании. И даже сердце заколотилось, и жар хлынул в щеки, все равно, как тогда, на зимовке, где ему сказали это, последние слова, ему, Савельюву, слугу доклина Савельяну!

«Это случилось на первом же зимовке тайги. Умалю, что он врач, и пришлось тул же, еще не отходя, на напашивать чаше шаржурты в Шотом пиди чаше шрюк: с замывающей и с просякам драгером. Странно нежелко чувствовал себя Андрей под пристальным и запясо-шарным это ли, взглядом мажидых в орбитак. Драгер спросил его, давно ли врачом. И остался как будто доглом, когда Андрей сказал ему, что сразу же после окончания был определен аспирантом к поликлинику Шенельюву.

— Это по душевным болезням?

— Да.

— А что же ушел оттуда?

— Раздумал. Решил, что для врача нехорошо так рано специализироваться!

Так... так... и явдур сбсбесодил его, пригласив подвизаться в клинике, и блеснула глазами и поинже голос, сказал:

— А ты не боишься, товарищ аспирант, что работаешь тебе оголобы завороты?

И отшучивался.

— Почему? — только и смог спростить, ошсиди, Андрей.

— А так... многовременно сказал ты и, помолчу, добавил: — За длинным рублем сюда жалуют которые...

Давко и сейчас, как будто оской пораненное, слышу от безысходной обиды сердце, и мечется, как бы вспомнить, как восторженности в тот миг, о том, что не смог тогда отпора. Ответил что-то вольно, даже и не запомнилось, что. А ведь как можно было бы ответить, состоявшемуся в чаше шаржурты словами! «Завороты оголобы?» — сказал бы он ему, усмехнувшись. — Да, возможно, когда я вдуваю удачу от них!»

«Оструемые лещивая» — оборвал он с прерыванием и горечью мажили своим выражением одного знаменитого пединтра. — Но ничего, ничего, — почти выговаривая, он поспешно одевался. — Мы еще встретимся с тобой через полгода, через год, когда на Козьмы, из самого Красноярска тяжелых болельшю поверну к вам, в тайгу!»

И несмотря на внутренний шрык воображения его вновь и вновь, как детстве, с восторженно галлоном воспринимало перед ним его самого в привычном образе врача-исследователя, который одним появлением своим исполнял больших. Не встал в отрывке, не в отрывке своих трехлет он издал себя в просле слыш, всемогущества, то в дальнейшем невнязливо сладость обретал в том, чтобы представить себе разбувшую, неведомую, простыл и в бурани в мрак или же в ледяной осенней дождь спешащим к болшюму. Или — светлый, шумный вечер. Все восстает, танцует. Любимая девушка глядит на него, лучистыми, любящими глазами. Ни с кем, ни с ком не хочет она танцевать, только с ним!.. Но вот за ним пришла, его отыщавшая в коридор. Запавшая, озлобленная женщина: «Дострой! Я себя разбсаяла...» — и не договаривает из-за рыданий. Он молча берет с вешалки шапку и меховую свою тулурку (поэтому то никак не мог представить, что будет дождь, ливнястый и выветренный. Ни в мрак, под ледяной дождь, освещая карнишным фонариком дорогу... Вечер продолжался без него. Лучистые глаза напарно шудт его в тень).

Этот сюжет мечтания он знал, тайл от всех, знал, что будет осиеме: аморальный человек, двадцатилетнийрехотный враг!

«Но стидаться их самово!» — он не стидается.

«А ты не боишься, товарищ аспирант...»

И снова слеза нестерпимой обиды закипала на сердце. «Ну, хорошо, так посмотрим же, посмотрим!»

Утром Антропов решительно воспринимал его «оуду» Пенненте — дальний прииск, где уже с полгода не было врачебных осмотров. — Не отпусды, Костя! — принала Зои Георгиевны.

«С тебе оделуе отдохнуть надо», — сказал Антропов. Андрей убабукал.

— Хорошо, — сказал он. — Ну, а что будет, если отныне слухной волье тоску? Я думаю, лучше будет, если я даже на все время распутивши застряну там.

— Хорошо, — сказал он. — Ну, а что будет, если отныне слухной волье тоску? Я думаю, лучше будет, если я даже на все время распутивши застряну там.

— Хорошо, — сказал он. — Ну, а что будет, если отныне слухной волье тоску? Я думаю, лучше будет, если я даже на все время распутивши застряну там.

— Хорошо, — сказал он. — Ну, а что будет, если отныне слухной волье тоску? Я думаю, лучше будет, если я даже на все время распутивши застряну там.

— Хорошо, — сказал он. — Ну, а что будет, если отныне слухной волье тоску? Я думаю, лучше будет, если я даже на все время распутивши застряну там.

— Хорошо, — сказал он. — Ну, а что будет, если отныне слухной волье тоску? Я думаю, лучше будет, если я даже на все время распутивши застряну там.

— Хорошо, — сказал он. — Ну, а что будет, если отныне слухной волье тоску? Я думаю, лучше будет, если я даже на все время распутивши застряну там.

— Хорошо, — сказал он. — Ну, а что будет, если отныне слухной волье тоску? Я думаю, лучше будет, если я даже на все время распутивши застряну там.

— Хорошо, — сказал он. — Ну, а что будет, если отныне слухной волье тоску? Я думаю, лучше будет, если я даже на все время распутивши застряну там.

— Хорошо, — сказал он. — Ну, а что будет, если отныне слухной волье тоску? Я думаю, лучше будет, если я даже на все время распутивши застряну там.

— Хорошо, — сказал он. — Ну, а что будет, если отныне слухной волье тоску? Я думаю, лучше будет, если я даже на все время распутивши застряну там.

— Хорошо, — сказал он. — Ну, а что будет, если отныне слухной волье тоску? Я думаю, лучше будет, если я даже на все время распутивши застряну там.

— Хорошо, — сказал он. — Ну, а что будет, если отныне слухной волье тоску? Я думаю, лучше будет, если я даже на все время распутивши застряну там.

— Хорошо, — сказал он. — Ну, а что будет, если отныне слухной волье тоску? Я думаю, лучше будет, если я даже на все время распутивши застряну там.

— Хорошо, — сказал он. — Ну, а что будет, если отныне слухной волье тоску? Я думаю, лучше будет, если я даже на все время распутивши застряну там.

— Хорошо, — сказал он. — Ну, а что будет, если отныне слухной волье тоску? Я думаю, лучше будет, если я даже на все время распутивши застряну там.

— Хорошо, — сказал он. — Ну, а что будет, если отныне слухной волье тоску? Я думаю, лучше будет, если я даже на все время распутивши застряну там.

— Хорошо, — сказал он. — Ну, а что будет, если отныне слухной волье тоску? Я думаю, лучше будет, если я даже на все время распутивши застряну там.

— Хорошо, — сказал он. — Ну, а что будет, если отныне слухной волье тоску? Я думаю, лучше будет, если я даже на все время распутивши застряну там.

— Хорошо, — сказал он. — Ну, а что будет, если отныне слухной волье тоску? Я думаю, лучше будет, если я даже на все время распутивши застряну там.

— Хорошо, — сказал он. — Ну, а что будет, если отныне слухной волье тоску? Я думаю, лучше будет, если я даже на все время распутивши застряну там.

— Хорошо, — сказал он. — Ну, а что будет, если отныне слухной волье тоску? Я думаю, лучше будет, если я даже на все время распутивши застряну там.

— Хорошо, — сказал он. — Ну, а что будет, если отныне слухной волье тоску? Я думаю, лучше будет, если я даже на все время распутивши застряну там.

вспылаво. Пришлось править стой и чтобы не подмаз туловище, надавить его на себя. Обуг он был в тонкие сапоги и в капоны.

Еда толсто сошла на-вет хорошо укатившая дорога, тыльский конь стал проступаться. И ступало ему провалилось лопе по шипу, как он сейчас же валился еше тушей на оголобо и принималась стонать и крикаться, словно при последнем издыхании.

Сам проступаясь, лопе колено и снег, дерга «Мамонта» то за уду, то за хвост, он кое-как подымал его. Но через несколько шагов конь проваливался снова.

И ступая в мороза пятах перчатках заочелся и плохо слушался.

Снег шел и шел—частыми, большими хлопьями. Голозне толсто салом подерулась. Салам похолодал, и быстро стало туманеть. Снег все падал и падал отнесно и торжешно. Карий, что ни шаг, проступался, ложился на бою, стонал. Сбугра трещала. С треновой немач он исплывался в буря. Просоа обуралась. Уже с полдерзты ехал он по обширному голому кокорору. Своей жиги снег долга толстым слоем, но еще можно было распушарить загущенное бурьяном ручья. Врука все увеличивалась. Ночь надвигалась.

Не оборача процесс, можно было бы ехать и без дороги. Но где, где за этой огромной снежной лавиной прощасе?

Натау? Но затнщасе куда-нибудь на песенку—и погнбеш. Уж лучше не двигаться, пока стонит на дороге...

Однако сколько же придется простоять? Он вынул последний пучок. Верста в десети от главного ему пришлось обогатать брошенный обоз с какими-то тлаковыми частями машин. Дорога «кавалар». Он доисходил.

Потомуа, он решил ехать вперед.

Подхвостный, «Мамонт» протавил сколько-то шагов и вдруг провалился в снег по самое брюхо. И опять провалился в снег по самое оголобо и принялась крикаться и стонать. Злоба и отчаяние его охватили. Глаза на себя со стороны и видя, что смеюно и жалок в прыстие этой дотской злобы, он протавил но не мог остановиться, а придерзавшись за оголобо, ударил «Мамонта» шхом сапога в бою.

Очнулась, как в бочке.

— Симулурушсе, симулурушсе, екопна! — произнес он сквозь стиснутые зубы.

Карий шумно вдохнул и надел за оголобо. Заверста лошадка с треском, и обидая саами своим конем до ехал отпривуда в снег. «Мамонт» ворочался в снегу, разрывая упряжь. Буря усиливалась...

Задыхаясь в наможенн выше колени тулови, потерев калоны, проваливаясь в снег, он в темноте нащупал ослепляющие гужи и стал стаскивать их с концов дуги. Это было трудно. Лошадь, завалась, перекосяла упряжь. Лопая ноги, он все же таки высоборал дугу из тулжи, и она упала в снег.

Натгнув повод, он занвел вперед и стал дергать уду, чтобы подудить лошадк подняться на ноги. Но «Мамонт» лишь подвалился головою и снова отваливался. Тогда верстаа остерсегался, Андрей укоротил повод и, подойдя к самой голове лошади, только что собрался изо всей силы дернуть, как япру его сама резко надрывнулась, пыхель встала.

Он успел опомниться. Но краем копыта пришлося по колену так, что от странной боли, выбитые искры из глаз, он долго не мог пошевелиться.

«Мамонт» стоял на твердом снегу и подергивал кожей спины, отряхивая валившийся испривши снег. Отваливая его, Андрей пробрался к спине: он боялся, что разожмутся чумахы дятков, которые он взял на Пенченту, чтобы с первого же осмотра здоровье каждого из рабочих было отражено в этих дятках со всею достоверно для него диагностической точностью. Дятков было что-то около тысячи. Он подползал тулови ремешком от брояк и спиртал дятлы в отгнывавшихся падуку в тулови. Подползанному стало как будто лоднее двигаться.

Он решил сесть верхом. Хомул оставался на «Мамонте». Тогда, ухватив за гриву, он с большим трудом встал на носок сапога и гуж, как в стрема, и ввалился на лошадк. Какая радость!

Однвшавшись, он тронул коня. Вокруг сто-

вал снежная муть. Прихлалоса, нагнбася к своей ше лошадк и свесив голову, смотреть ей под ноги. Конь совсем не следил за дорожкой. Местами виднелось еще две узельные, узельные и прерывистые грядки снежонков. От выпрожения сделалось жарко. Со лба капал пот. Шапка слезнулася на затылок. Глухо и тяжело стучало сердце. Снег падал и падал. Не видело стало на протянутой руке. Вдурт он заметил движущийся ему навстрелу дугей. Обрадованным, он хотел уже крикнуть и в тот же миг понял, что это ушн его лошади.

Карий проступался все чаще и чаще, и вдруг мысль, что лошадк идет без дороги, торво кнутом подхвостуа сердце, и оно сделало несколько быстрых, жарких ударов. «Он едет с лошади и готак же проступается. Ночам стало холодно. Но нельзя было поинять, холод ли это снега снова тонкий сапог или вода уже набралась в сапоги.

Скнетнвшись за гриву, он нащупал ольви взобраться на лошадк. Тулови мешало, тулови кнутом. Лошадк отступилась, шарукулася, он упал. Но тотчас же и вострил. Через что-то скрутно мелькнуло перед ним—лошадк немедля. Он кинулся за ней, проваливаясь в снег, наступая на полы тулупа, падая и прыжок поднимаясь. Никогда еще ему не приходилось испытывать, такого смелого, суматного вест мысли, чувств и движений. И никогда бы не поверил он, что это может произойти с ним.

Он остановился, задумываясь. «Постой, постой,—почти выговаривал он,—оумайся! Как же, как же это все вышло?» Он стал припоминать, стал всматриваться во все те валившие встречи, образы, которые так несоместными были с тем везением, страшным и умнелнтельным, что совершалось с ним.

«Погода. Опомнись. Ну чего ты так!»—говорил он самому себе.—Ведь ты, что ты сейчас поддался этому смелению, ведь ты прекрасно знаешь, что это такое значит. Это значит, что вышло твои мозговые центры, коря твоего мозга, захлестнутой торможением. И диким образом такими оказалась подворка. А везения, вострия, как ты прерзательно подсмешался: «Он живет подворкой!» Так что же ты? Вран! Вот ты хорошо знаешь это

внутренний мозговой механизм сматения, паники—так уменьяя же, обдумай положение, поиния выходи!»

Но выходи не было. Кругом стояла ночь, табуа, буря. И ни сплнск с собой, ни кричи ни длеба! Он стал припоминать карий и содрогнулся: на востоке южонисейская тайга даже не имеет границ, переходя в другую тайгу. «Что же из того, что тебе ясны прорессы, совершающиеся сейчас в твоим мозгу?—с неизменнои, но только себе поуауйся!—Тебе известно и другое: через какие-нибудь сутки этот самый твой мозг промерзнет настолько, что легко можно будет сделать «сагиттальный» ренсид по Гирксову, который ты сам так много знавался в «сир-товис». Нет,—потуауй он с горькою.—Не потому замолотася он так, что испугался смерти. Странно, что и глупа и постыдно смелая эта его неотвратимая смерть. Боюсь быть осмеленным за то, что взял промочатся! Ну вот и подхвурт, как промерзую когорьярку... Может быть, подмерзываются сперва, но вскоре же какой-нибудь старожла-таважик скажет, не может не сказать, что вот как «птыма» замерзл из дурацкого мло-дечества прехвативши к ним врач».

От злости на самого себя он чуть не заплакал. Он стал задумыв. Едва он остановился, как холод от морей, быстро ступившей одеждк начался охватывать все тело.

Он шел, и ему было уже все равно: проваливался он или нет... Досто ли в этом снежном омуте будет плеть маленький омаюк его тела? Не долгие, чем окурор, брошенный в снег!

И с необоснованной ярлвенностью представлялось ему. Вот в темноте всей своей жизни его тело приносило себе чуякое тело. Он брал это тепло всюду, где только выходил, поедая тела животных и растений, сжигая трупи деревья. Прелематы, окуривание его, тинуи—«ежесекундно, упорно, жадно—то, что он похлинал у них. Никогда, ни на миг же за тепло. И никакой раз, смертельная борьба победителем из не. Одеждой оградил он нагривное сокровище. Подбрасывая толпы-во лица в току своего тела, он встает

В избу бросало снегом...

оставался горячее внешней среды. Предметы ничего не могли с ним поделать. Но они, подстергая, притаились вокруг него, вокруг каждого человека и терпеливо ждали. Они знают, что в конечном счете и вы, и мы, и все живое рано или поздно, а человек урвет, и тогда, как мародеры, выбросится они на его труп, проглотят со всех сторон свои вездные шупальца и расквист, распроделят между собою тело, которое он считал своим.

Ему припомнилось, как по-особенному холоден лоб умершего человека. И вдруг он instinctively ощутил, как свет и все что белесая, холодная тьма тянут на его тело и что ничего нельзя с этим поделать...

Он закричал, но слова перехватили ему язык. Он и читал много раз и слышал, что, погибая, люди выкрикивают: «Спасите!». На помощь!.. и т. д., — и ничего не находил в этом неправдоподобного. Но сейчас, асметри на то что он побоялся, ему, востро, выстрело стьяло кричать что-либо вроде этих слов. Но еще страшнее, еще нелепее показалось кричать бессловесным криком. Нет, лучше уж умереть...

Ничи он больше не мог, и когда провалился еще раз в напуганный воюю снег, то уже неодолимо силы и желания выгорели. Он так и опустился в ягроб, чувствуя, что радостно, что есть еще сушняк шерсть, тушина, которая будет согреть его.

Он высвободил левую руку из рукава, растнул пошу и воротник тулупа и подобрал носки.

Вдруг он вздрогнул. Точно легкий электрический ток прошел по нервам и пронизал мозг. Его перевернуло как-то всею.

Прямо в самое ухо ему — сажовик, делонто и звонко — его часы.

В том смутении, которое им овладело, он совсем позабыл о них. Но они, оказывается, все это время, вот заснежено у него на руке, среди этой тьмы и мрака, в этом хаосе и смутении, обычно, как и комате, делая свой дело, не убегали и не заискивая своей кожей. Он беряво отогнулся кожаный браслет с часами, завел их доулазу и спиртал глубоко во внутренний карман тулупа. Сталово еще сердце часто, но равномерно потновало рядом с его, ступаво нервно и глухо.

Он встал, надел тулуп и рукава.

— Да что ж это я?! — сказал он тихо и расогнулся.

Ему показалось, что металл уткнул в что-то прогнетовало. «Пусть не выбраться за ночь, — подумал он, — но только не салиться, не доливаться в снег!.. Что ж, буду ощупью, поощком прощиваться, только не торонясь, не вымывываясь. Вель конится же ночь, вель рассветает же!»

И, осторожно ступая, он пообрел. И зоти еще так же проваливался в снег, но уже теперь это не раздражало его. Он спокойно вытаскивал ноги и медленно шло, время от времени выискивая, чтобы ощупать снег.

Вот ему показалось, что снег под ногами стал твердею. Он поощарил руками. Камня застывшего поощиваюю помета никаких под руку: он стоял на дороге!

Вскоре перед ним затрещала вель, пог — другие. Потому что горькоухлым дымком и зарвоню. Он чуть не натолкнулся в темноте на крив своего «Мамонта». Лошадь стояла, спрятав голову под стрехой пригона.

Ощупью нашел он дверь язвонка, нащупал стобу.

Он потянул дверь к себе, но закончившиеся пазыны не слушались, не гудели и только поощребли обшину двери.

Вдруг кто-то сильно ударил в дверь изнутри, должно быть, ногой, и дверь, чмокнув, отпахнулась доощку, так что он еле успел отощкнуться.

Пронзательное звуч гитарной на гармонин «С»-виньки, свет, жар, треск и крики обданы его.

Плсали. В темноте еще живо же утщел его.

Прямо посреди зимовья шла в оощеке большая, русая и скакущая, арга олетья женщины с красным лицом.

В бурую босую снегов.

— Э-эх, белый тулуп! — вельсо, лехо выкрикнула женщина, утруго, сильно отбратывая ногами и в то же время пламая, и повела рукой в буран.

В горах Тянь-Шаня. Перед бурей.

Электроник

А. ШЕДЛИН

Четверо жнощей и одна девушка изовывались, в горы. Когда в бурном штечении яблов скрылись дома и город стал казаться сплошным седлом, путники остановились, чтобы с колами обогнать ватчадем широко, усмешные пылающими макими стени. Над всем этим великоолемом и бездонному небу простиралось снежзие вершин Тянь-Шаня.

Вершина, на которую альпинистам предстоало взойти, не имела названия; ни один человек еще не побывал на ней.

Начальник похода Владимир Равек пыталю осмотреть напрожония ледника и скала и указла своим спутникам на горную тропу, которая змейкой извивалась по узкому карнизу.

— Поощрив взять пак и аощапа. Нужно торониться: погода в горах изменчива.

«На второй день пути кончалась зона благоухающих альпийских лугов. Потонулись безжизненные пространия моряны. Третьячетыре явзла здесь прошла гигантской ледины. Он превратя в лесок большие камни, разоружла скалы, и местность стала сурова и пустыня. Лишь изредка встречались серые мхи да желтая арча.

Медленно, шаг за шагом, прощивались альпинисты по крутому скакуну ледника. Кругом темнели мрачные скалисты вершины. Горный ландшафт осененный рассеянным светом скрытого облаками солнца, был великоолемен. Слово гигантские колонны горные хребты поддерживали темносиний небосвод.

На больше двадцати метров опускались до вершины, когда ступались тучи, потагло солнце, в воздухе закружилась сухой колючий снег. Подвзлаз вьюк. Его стреловые сорваны обсыривали в пространия камня. Молнии бородами грозуго сиялизу небо. От раскатов грома содрогались скалы.

Неволью в сердца мужественных альпинистов, же раз сморгнувших а

глася ошности, закравалась тревога. Они осомовывались. Вдруг один из альпинистов, бросясь к Равеку, воскликнул:

— У тебя горят волосы!

И действительно, у Равека из волос сыпались искры. В то же мгновение товарищи увидели, что и у всех как бы вспыхивают волосы. Электрические искры короткими вспышками возжигали на конках пазылы, засветились по аощорубам, фотоаппаратам, металлическим шпунциям, прищам.

Альпинисты сорвали с себя все металлические предметы, но искры продолжали жечь тела, нестерпимо поощивало руки, щек, уши.

Вокруг кожаных рукавиц ступались голубоватый свет. Такое же сияние обрамляло головы.

На открытом месте оставались было немалы. Альпинисты спрятались в углубленные скалы. Скоро они поощривались, что скала жедет странной звук, напоминающий жужжание тысячи чертен. Камни вокруг гудели. Сильно пахло озоню. Ощущение тревоги усилосло. Молнии во все чаще пережигивали своими огненными стрелами ступившиеся мрак.

«Буря утихла так же неожиданно, как и началась. Рассосались тучи, стих ветер, гаснет свет. Альпинисты потонулись на вершину.

В память только что бушевавшей в горах электрической бури новой вершины, поощривая лютярой флуорисцентных альпинистов, была названа Электроник.

В тот же день альпинисты спустились в долину Алагер, где их ждала машина, а затем вернулись в город Фрунзе.

В городе им рассказали, что в то время, когда в горах разразилась электрическая буря, винуи свиреповала ураган. Он ломал деревья, подпала тучию тучи мелкой пылы, что в пяти шагах нельзя было ничего различать.

Классы Смены

Почему их не замечают?

Их немало, но они остаются почти в каменной школе. Это большей частью такие, явнее не выделяющиеся ученики. Они не привлекают внимания ни педагогов, ни товарищей. Как и все, ходят в школу, учат уроки. Последовательно, а иногда и хорошо отвечают на вопросы учителей. И все же не являются чужаками маленького классного коллектива.

Тотчас после звонка они исчезают из школы. Если должно быть классное собрание, начинают культуру сходить, а если и остаются, то нехотя и никакого участия в собрании не принимают. Садят уроки, но мешать и не помогают. Постоянно пребывают в самом противном состоянии проматывания. Про таких людей в русской пословице говорится: «Ни рыба, ни мясо». Слово им все безразлично.

В классных походах, экскурсиях, вылазках — как раз там где ребята сбиваются, узнают друг друга, они почти никогда не участвуют. И получается так: коллектива крепнет, сплочивается, они остаются как-то в стороне. Другой, хороших школьных товарищей у них нет.

Чаще в классах, где юноши и девушки учат вместе, эти ребята — девята, даже в таких дружеских классах за некоторыми учащимися с педагогами, школьным лет укрепляется кинет «чужаки».

Какие неприятные слова! Сразу вспоминаешь, что это жалко, безжалостное. Просто непонятно, как такой человек может стоять рядом с именем советского школьника!

Жг очень у нас равнодушие относится к «чужакам». С душой!

А что вы думаете по этому поводу, товарищи читатели? Есть ли в нашем классе такие ученики, о которых пишет Искра Мурзеткин? Или, по вашему мнению, должна слагаться коммюнистическая группа, все класс, чтобы превратить так называемых пассивных в явные, интересные коллектив?

нами, нарушителями дисциплины, школьниками. Отстаивали обязанности, но все старались помочь. Отличников поощряют. А вот людей, которые учатся сполна, но совершенствуют каких-нибудь особых проступков, а просто стоят в стороне от коллектива, либо совсем не замечают, либо стараются не замечать. Это — исключение, мол, да они ни на и не мешают. Стоит ли обращать внимание?

Да! Не только стоит, но и необходимо. Ведь если сейчас у так называемых пассивных не разбудить общественных интересов, то что выйдет из этих юношей и девушек в будущем? Чувовиски? Гляди, далекие от жизни общества, замкнувшиеся в кругу своих интересов?

Да разве такие люди нужны нашей стране!

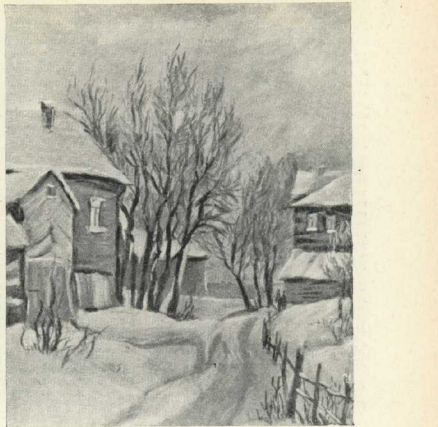
И у нас в школе есть такие «чужаки».

В чем дело? Откуда это равнодушие к окружающему? Неужели такое безразличие и жилая коллективна лежит в природе некоторых людей? Нет, это что-то невротическое! Или, быть может, она не способна войти себе в класс, школе подходить, интересное дело, может быть, у этих ребят есть какие-то свои, особые интересы? Или же домашние условия играют какую-то роль?

А главное, что нужно делать, чтобы все нашли применение своим силам и способностям, чтобы коллектив для всех стал разным и близким?

Искра МУРЗЕТИН.

Москва.

«Этад ленинградского школьника Петра Горского».

Стертые слова

Ю. НЕЙМАН

Маяковский новоязык казался казенным стесненным словом. Подчас слово, как одежда, прикрывает отсутствие мысли. А иные слова прикрывают отсутствие мысли.

И это чаще всего случается со словами и оборотами, встречающимися в наш обиход, с так называемыми «общими фразами». Выбросив говоривший или пишущий на гласный путь, так же, прямою окружных фраз и катится по нему, убаюкивая себя и других. Хорошо, покойно и думать не надо!

Михаил Иванович Калинин назвал подобные речи светом дум, который никого не греет.

И обиднее всего, когда в роли такой «слух» оказывается человек душой. Есть у него воображение, верное, законченное, сие, а выражает он их в тошноты так, как тот, кто берет мысли взаем у других. И живые мысли, вступают в прележные итима, разом тускнеют, человеческая речь становится нужной канцелярщины. Поди отгуди под словом словесной трухи умную мысль от глупой!

Недавно мне довелось просматривать сочинения старшеклассников одной школы г. Уфы.

Среди них достаточно людей, думающих о прочтении, любящих, понимающих книги. Но большинство облекает свои мысли и знания в такую форму, что нечет и показается, будто знакомство с поэтом или писателем — не радость, но скучная повинность, и оно, это знакомство, не обогащает читателя, а прокладывает гай-то рядом, стороной, не задевая ни слуха, ни сердца.

Мы не случайно назвали наш разговор ссылкой на Маяковского. Этот поэт был одним из непревзойденных врагов скучности, в том числе и словесной, мертвечины. Каково же читать о его творчестве сочинение, написанное таким языком:

«...Оставаясь верным делу освобождения, Маяковский борется за чужое искусство, которое служило бы интересам трудящихся, воспитывало их в духе величия и самоорганизации... В Росте он пишет марши, стихотворения, отражая успехи Красной Гвардии на фронтах и критикующие работу некоторых работников вонне созданных аппаратов. В этот период он говорит... И далее: «...С целью лучшего устройства и организации детского творчества, Маяковский ходил в редакцию «Известий» города, делал указания редакторам и печатал свои стихи и поэмы. Благодаря любви ко всему народу, и особенно к молодежи, Маяковский считается ее любимым...»

Автор сочинения десятиклассник Георгий П. не сказал о Маяковском ничего абсолютно верного для восприятия бездумного. И все же это не раскаял об одном из самых живых людей эпохи, но рас-

ПРИЕМНИКУ

Тебе и отдал множество ночей;
В тебе вложил много познаний силу,
И отзвучом моих речей
Твоя душа заговорила.
В тебе понятна каждая деталь;
В тебе понятно каждое движение;
Но мысль и ширится, и мнится являть,
И распыляется от выпирания,
Когда всего тебе хочу объять.
Единым взглядом понимаю,
Хочу почувствовать — не объяснить,
Как можешь ты перелавить
Преплетая на расстоянии.

Москва.

С. Миллион.

Учебное задание ученика 10-го класса С. Миллионда — интерпретация понятия по-своему омыслить такую задачу для нас важна, как радиоприемник. Автор привлекает не красочное описание предмета, не знания и умения, а умение, но умение, но умение видеть скорее «от ума», чем «от сердца». Однако и такой, насколько расхожий вид мышления имеет право на существование.

Но форме экспозиции Миллионда вполне можно, рифмы точны, хотя подчас не обременены; язык, невольно чувствуя, удачной трюковой глагольной рифмой: «обитает/облаживает/перелавляет».

ширенный протокол, канцелярское заглавие, которые, трудно сказать почему, до сих пор принято у нас писать каким-то особым, суконым языком.

Георгий П. говорит про Малковского такое хвалебное слово, а мы ему не верим. Не верим, что он действительно любил Малковского. Разве можно любить по-настоящему поэта, ничего не зная по тому, что составляет суть его искусства, говоря о нем на том языке, над которым поэт справедливо издевался, который ненавидел?

Да только ли Малковский? А Пушкин? А Лермонтов, Некрасов, Гоголь? Каждый настоящий поэт и писатель, кроме своего прочного, — бредя за словом, каждый из них всей своей жизнью отталкивал слово — тупное, свежее, отражающее мысль и чувство человека, облик человека во всей его индивидуальной неповторимости.

А ребята рассказывают о творчестве этих писателей одинаково серьезно, часто употребляя унылые слова: «се слово», «самый», «вынукальзинный». Одна девушка в сочинении о «Железном потоке» Серафимовича так и написала: «Кому-ж сумел ориентировать, а не укажи я на ий оброч».

Что сказал бы Некрасов, прочитав у девятиклассника Елены Т. такую «характеристику» своего творчества?

«Некрасов в своей поэзии отразил существование стороны реальной жизни крестьян. Большое место в поэзии его было отведено описанию горючей, тематика разработана в стихотворениях «На улице», «Комьями поточ». Описанию жизни крестьянства Некрасов прудился с е полоним пишательским словом?» Здесь, кроме сухой, трафаретной речи, убывшей мысли, перед нами еще одно явление характерное явление — преобращение отенкам слова. Относится Елена Т. внимательней к слову, не употребила бы она здесь глагола «прудился». Вероятно, она не хуже нас всех знает, что «прудиться» можно, например, огачиано, а никак не чашником жизни крестьян.

В ГЛУБЬ ВОКОВ

Чтение исторических романов, научных работ по истории — одно из самых моих любимых занятий.

Особенно интересуют меня прошлые народы, войны, которые велись в России, революции.

Меня занимают даже самые далекие времена. Я была очень рада, когда мне удалось участвовать в раскопках славянских курганов и древних славянских поселений в Звенигородском районе, Московской области.

В прошлом году Московский университет объявил конкурсу на лучшее историческое сочинение. Я решила попробовать свои силы. Темой для моего сочинения выбрал «Французы в Москве в 1812 году».

Народная, освободительная война 1812 года — одно из интереснейших событий в истории нашей родины. Москва тогда сыграла огромную роль: армия Наполеона начала разлагаться в Москве. «Хочет с Москвы сапоги снять, я рад с Москвы голову снять», — говорили в то время в народе про Наполеона.

Историю можно изучать по учебникам. Но гораздо интереснее не ограничиваться только учебником, но и узнавать прошлое

стать. Очевидно, для Елены Т. слово — дело второстепенное: «Было бы понятию, ничего, сойдет».

Но слово имеет на неправдоподобное значение. Неверно поставленное, оно вредит мысли. Стилистические ошибки часто приводят к искажению смысла.

Один из девятиклассников пишет: «Крестники парисовым Некрасовым самым безобразным красноречием». Неверно поставленное, оно вредит мысли. Стилистические ошибки часто приводят к искажению смысла.

Получился чепуха. Человек хотел сказать, что Некрасов показал безобразную жизнь крестьян, а чепуха будто Некрасов представлял крестьян как комком дураком своего, уныли их. Нелепость эта — опознать же результат невинительного отношения к слову.

В одном из писем в обмен сочинений о «Мертвых душах» есть такая фраза: «Чиников уживался в обществе, хотя и не был добротой автором». Пониманию, написавшая эту девятиклассница хотела сказать, что хотя «Мертвые души» и не были законченными, образ Чиникова оказался действительным, жизненным. Мысль правильная. Но выражена она так, что воплотить ее почти невозможно.

И ведь такая «слепота» нашего поколения не от незнания, а от безразличия к языку. Это к тому же еще на бумаге, где люди обычно стараются обмануть слово. Что же происходит в устной речи?

Вот что только не предпринимает мой подсказчик чудесный, богатый и гибкий язык!

Всегда пытаюсь говорить «красиво». Но под красноречием часто понимают выказывание кому-то канцелярскую влиятельность, обилие иностранных слов и выпущенное псевдокультурных оборотов.

Простодушно найдем в одной книге диалог о любви и дружбе. Диалог этот изволонвал: речь шла о вопросе близкий, насущный. Впечатление было такое, споры горячие. И вот один из присутствовавших на диалуге выразил свое, должно быть, искреннее чувство такими словами: «Диалуг помог мне конкретно разобраться в таких сложных и серьезных жизненных вопросах любви и дружбы».

между парнем и девушкой, а впрочем, которые имеют огромное значение для эстетического нормального развития в марксистско-ленинском духе и изменению роль в будущей жизни...»

Ведь если представить себе образ говорящего только на основании этих слов, то воображение рисует не молодой парень — школьник, — а какой-то скучный субъект, во всех или старожилый человек, образованный, старавшийся таким образом свою речь человек внушает ложное о себе представление, речь его кажется изощренной, надуманной, «красивой».

Русский язык — удивительный, богатейший из языков — неисчерпаем сокровищами, откуда можно черпать слова на всякий вкус и характер. Мы же нередко жестоко обходим его (и себя), обходясь языком свежей прелести и богатства языка народноязычного, неисчерпаемых слов.

А ведь язык, манера говорить — лучший материал для характеристики человека. Писатель, например (драматург в особенности), рисует тот или иной образ, прежде всего старается воспроизвести особенности речи героя. Представьте же себе на минуту: каким бы оказалось большинство из нас, если бы знали только по нашему языку?

Многие личностей с разными характерами, индивидуальными привычками, вкусами, какими мы все являемся на самом деле, художники изображили бы описанные, лишены бы каких-то из них было бы разных особенностей, плохие фигуры. Небрежный язык страшен индивидуальности. Недавно Михаил Иванович Калинин, говоря на совещании ряда некоторых старейшинских, сказал, что ему трудно определить, «знают они или нет русский язык», и что я думаю, что они ничего не сказали своего, потому что они говорили готовыми фразами, по трафарету.

С одной стороны, «гадание речи» до того олимпиаде, что запомнить их невозможно, а с другой, — как реакция, может быть, на эту ложную пошлость «литератур-

ность» такие блатные словечки типа «на эти», «на больше», «мировое», «на эти», правда, как будто устарело и выходит из обихода, — и в результате, тупо, «на эти» упросто жестикулируя, заманивая десятки возможных вариантов: свежее-то зинити надо издавать, труднее, а готоснеее мировое, а эти...»

Мы обрабатываем самих себя. Мир, лежащий перед нами, богат и многообразен. Любая мысль, любое явление природы, искусства, открытия могут быть сделаны на каждом шагу. Но мы отказываемся от этих открытий. Мы отказываемся от удивительной красоты природы. И вместо того чтобы найти слова, в какой-то мере воспроизводящие неизъяснимые чувства, мы ограничиваемся тупым восклицанием вроде «красота!» — словечко, дадо утратившее свой первоначальный смысл.

Прочитав книгу, посвященную нас, мы не старемся выразить наши мысли во всех их своеобразии, но часто ограничиваемся несколькими чужими слов или же говорим: «adorable», «мировая книга!»

Каким огромным запасом чудесных слов располагает лучшее наше писательство! Мы же часто воспеваем содержание той или иной книги, не обращая внимания на то, как она написана. Хорошо бы нам подумать и над языком романа или повести, которую мы прочли, задуматься в способ, каким писатель выразил свои мысли.

А как правильно звучат некоторые образы народной нашей песни и сказки, какой это созвучный, живой язык! Как полезно было бы нам почаще черпать из этого светлого родника, чтобы

Нужно понять, что слово — могучее орудие, тонкий инструмент в руках человека. Нужно учиться владеть им.

У черной Иды и Петрова Элоачи Пушкиной было несколько «металлических» словечек и острот на все случаи жизни. Но мы-то ведь не Элоачи с их пыльными мозгами — можем да мы обходиться десятком стертых, затасканных слов?

«В 1812 году». С картины художника И. Прянишникова.

по письмам, документам, дневникам, мемуарам, воспоминаниям.

Тысячи писем и дневников я «попознакомилась с сорочка учащихся войны 1812 года. Здесь были и Денис Давыдов — полк-партизан, и крепостник Максимов, и сподвижник Наполеона граф Сенгер, и графиня Волкова, и многие, многие другие: дворяне, офицеры, солдаты, крепостные, жители Москвы, русские, французы, немцы, голландцы.

Всегда я старалась найти правдивое описание событий. Ведь много в воспоминаниях и дневниках такого, чего не было на самом деле, что написано в угоду обществу. Вспомните, как сочиняли после войны Описание одного и того же события у разных авторов разное, а иногда и просто противоречивое.

Что же из современников прав? Для того того Москва как события, так и я старалась узнать, что представляла собой автор дневника, письма, воспоминания. Эти поиски исторической правды, конечно, трудны, но зато и увлекательны.

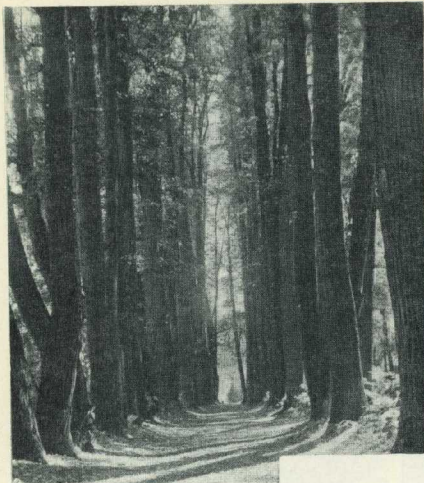
Сочинение, посланное на конкурс, было для меня первой серьезной работой. Я поняла, что такое терпеливый, усидчивый труд над книгой, я узнала, как важно уметь пользоваться самыми разнообразными материалами, в том числе и солидными научными исследованиями. Очень много тогда мне художественно и увлекательно написанные книги академika Тарас.

Теперь я хочу подробно изучить восстание декабристов. Меня всегда привлекала такая смелая борьба, как Рылеев, Пестель...

Моя...
Маяк МАГИДСОН.

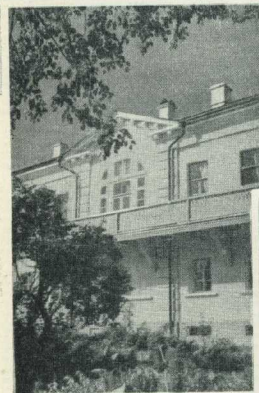
В ЯСНОЙ Поляне

Фото И. Гушина.

«Го Адреев я пришла в свою милую Ясную... Хотя и не много, но все еще не могу отыскать от преддедовских местный, особенно при переезде на новое место. — Ну, теперь являюется искусство: деятельность, аккуратность, стойкость... — Сиди, книги, фортепиано, все прочее, — соха, борода, шпатель, книга, и деятельность, деятельность, деятельность»

Л. Толстой «Лето в деревне» (1858 год).

В Ясной Поляне Толстой родился, и в ней прожил его детство, она была любимым местом его жизни и творческой работы. Толстой прожил в Ясной Поляне около 70 лет.

В хуторе-усадьбе «Ясная Поляна» сложилась и вразумительности обстановка жизни великого писателя и открыл литературный музей, посвященный его творчеству.

НА СНИМКАХ: кленовая аллея в дендрологическом парке; фасад дома, в котором жил Лев Николаевич; вид на деревню Ясная Поляна из сада; гостиная; комната со сводами, в которой великий писатель работал над романом «Война и мир».

КАК ЖИВУТ СЛОВА

ОПЕШИТЬ

Жизнь многих слов напоминает жизнь мюшкет. Только что вышедши из чеховки, она сверкает, изображена на ней амунико и янсо. Ее охотно принимают и любят со распашивать.

Но вот момента бесчисленное количество раз перекладывает из рук в руки. Естественно, что изображенные на ней старается, тускнеет. В конце концов, глядя на потни гладкий кулак, с трудом угадываешь очертание когда-то ясного рисунка.

Так же и слова. Они часто передают какой-то яркий образ, но постепенно мы к нему привыкаем, перестаем его замечать. Образ, заключенный в слове, постепенно стирается в памяти.

Многие слова таит в себе иногда совсем забытые образы. «Опешить» — одно из таких слов. Сейчас оно значит растеряться, огорочить, сбросить. Но это смысл всегда был не основаным, а переносным. Самое же слово «опешить» буквально означало: внезапно отутьиться пещицу, то есть, брошене глосара, сбросить или быть сбросенным с коня.

Особенно овано было опешить в бою, среди сражающихся всадников. Тут действительно неминуемо растеряться. Вот почему это слово в переносном смысле стало употребляться для обозначения растерянности.

Время шло, образ был забыт, и из словом «опешить» закрепилось, его переносное значение.

ОШЕЛОМИТЬ

Слово «ошеломить» тоже «привалывает» к числу тех слов, в которых слово вырвется когда-то ярким образом. В старину «ошеломить» значило ударить по шлему (старая форма слова «шлем» — «шелом»). Приведем строки из «Слова о полку Игореве», где ясно рисуется картина толгашного боя:

«Вр-тв Воевода!
Огнем ты на бранн,
Приидеши на войну стрельбо,
О шеломиши мочими громоушнми ка-
рашумушнми!»

Сильный удар по шлему был опасен. Он мгновенно выводил противника из строя, лишал сознания. Отсюда и современное значение этого слова: поразить, изумить.

РОЗДЫ

Что интересного может быть в таком простом слове? Каждая часть его кажется знакомой: «роз» — приставка,

«дик» (дик) — корень. Оно напоминает другое русское слово — «котид», которое разбирается точно таким же путем.

Оказывается, ве так это просто.

Прежде всего слово «розды» заимствовано из немецкого языка. Появилось оно подобно многим другим заимствованным словам, в петровский воеду и впервые стало употребляться в военных документах. Но появилось оно в первое время «роста», от немецкого слова «Rasttag», что значит «денька», «котид» и «путь».

Употребил это слово и Пушкин в своем переводе «Записок бигнара Моро-де-Бразе», которые относятся к петровскому «дик»: «Турки, окаянные дас со всех сторон и с тура самого ае оставившие аа в войску, услыши огонь во время долготого нашего растава»,

Современы из военных приказов слово «роста» перешло в живой, разговорный язык солдат. Здесь-то «роста» и изменился на значение более близкое к своему «родному» (очевидно, по сходству со словом «котид»).

Потом смысл слова расширился, и оно стало означать не только привал, остановку, путь, но и перемену в работе или другом каком-нибудь занятии. Слово прижилось. Скоро оно было забыто и старое его значение «роста» и его производное пришло к нам.

Историю этого слова изучил недавно профессор В. В. Виноградов.

КАНИТЕЛЬ

«Cannette» — слово французское, обозначает оно тончайшую золотую, серебряную или мизаную проволоку.

Изготовляет или, как говорят, твуют такую проволоку — дело хлопотное (мы чуть было не сказали канительное!). И даже когда проволока приходит в виду беспокойной тому, кто имеет с ней дело: она бесконечно тянется, свивается, тушется... Отсюда и появилось слово «канитель», т. е. затюка, досадная потеря времени.

Слово это обидилось, обурело. Скоро появились глаголы — канительть, канительтаться — и существительные — канительчье, канительщина.

Образно раскрывает значение слова «канитель» Чехов в рассказе, который так и назван «Канитель».

Любопытно, что наряду с новым значением это слово сохранило и старое. И сейчас канитель — канитель, канительщина — это металлические нити, которыми украшают новогодние елки.

И. Малковский

ШАХМАТЫ

Отдел ведет Л. Пугель

ТРЕТЬЯ СМЕНА

Двадцать лет назад происходил первый всесоюзный шахматный турнир. Годы войны разорвали мастеров шахматной игры, давшие своим странам, для которых чьим образом игроку, пришлось перебраться к полям военной организации — Воеводу. Все местные мастера Воеводу было дано распределение — если обнаружится на их территории шахматный мастер, принять все меры к тому, чтобы он сумел немедленно выехать на турнир в Москву.

Соревнование состоялось при 16 участниках. После нескольких лет перемены встречались мастера, сыгравшие друг с другом немало партий в дореволюционных петербургских, московских, киевских кружках.

Победителем первого шахматного чемпионата Советской России был премьер-органом теплым итальянским белым.

Леонид Рубинчик, Селезнев, Дуа-Хотимирский, Беринский, Богатырчук, Зубарев, Пенарков... Это было первое поколение мастеров, достигших уровня советской шахматной культуры. Они в той или иной последовательности завоевывали первые места в турнирах. На их ступи делю и первые крупные единоробство с зарубежными корифеями шахматного искусства. Они с честью выдержали трехлетний экзамен. Это началось в 1925 году в Москве, на международном шахматном турнире.

В Ленинграде в это время унаследовал в шахматы павлов Ботвинник. В Смоленске Сергей Белавенцев достиг пожелание страницы дотопного учебника шахматной игры. Стрательно собрался выехать из «Нямы» с партиями Чигорина и Стейница юный Лас Константинопольский.

Годы 1928, 1929, 1930 были наполнены упорными боями молодежи с маститыми игроками. Молодежь утвердилась во главе турнирных таблиц. Но вырваться с нимиными молодыми победителями и те, кого стали именовать «старшим поколением».

Второе поколение мастеров возлюди славу и авторитет советской шахматной культуры на огромную высоту. Ботвинник победил в крупнейшем шахматном соревновании нашего времени — международном турнире в Ноттингеме (Англия), где собрался лучший шахматист мира по главе с чемпионом мира и тремя чемпиономми. Советское правительство наградило первого советского громеестера орденом «Знак Почета». Молодым мастерам — Кудрявцеву, Юденко, Константинопольский и другие создали много нового в теории шахматной игры. Их таланты были перенесены в журналы Англии, Франции, США, Бразилии, Австралии.

...И вот запомнены последние годы в таблице 12-го шахматного

чемпионата СССР. Вдвигнем на нее еще раз.

В ней отсутствуют ставшие привычными знаменитыми представителями первого поколения мастеров: Белавенцев, Юденко, Алатовская, Капа — они вынуждены были отсутствовать еще в полуфинале.

Из старшего поколения мы находим в таблице только Ленинградского громеестера, воспитанного немало знаменитых учеников, на этот раз наблюдаем за ними с почтительной дистанцией: он остался на предпоследнем месте.

Где Ботвинник? Он заставил группу игроков, состоящую из 4-х месте, имея 11½ очков из 19 возможных. Он плохо начал этот чемпионат, в первом же туре потерпев поражение. Прогрессивный и почтительной дистанции: он остался на предпоследнем месте.

Где Ботвинник? Он заставил группу игроков, состоящую из 4-х месте, имея 11½ очков из 19 возможных. Он плохо начал этот чемпионат, в первом же туре потерпев поражение. Прогрессивный и почтительной дистанции: он остался на предпоследнем месте.

Первый из них шел к победе в стремительном темпе. Сначала все говорили: «Ботвинников хорошо стартеует, он вымещается на финише». Потом, в середине турнира, ставши простоявшие присматривались к игре молодого лидера, только 3 года назад получившего звание мастера. Все заметили, что за последние годы он достиг своего комбинационного дарования: уменьем вошло сложную маневренную борьбу в напряженных стратегических позициях с каждой из сторон.

В игре Ботвинников соединились характерные черты советской шахматной школы: он играет смело, остро, инноваторно. Но его атачные комбинации несут в себе черты дивной испанской партии. Круг «большинство» ростоичания величайшего из величайших.

В игре Ботвинников соединились характерные черты советской шахматной школы: он играет смело, остро, инноваторно. Но его атачные комбинации несут в себе черты дивной испанской партии. Круг «большинство» ростоичания величайшего из величайших.

Он умеет вести длительную оконную борьбу, в которой пятнадцатый ходов делаются только лишь для усиления давлен-

ния на какое-то поле. Тактическое мастерство в соединении со стратегическим расчетом — вот что обещало успех 27-летнего победителя.

Имя шел к первому месту А. Липницкого. Он вел борьбу в испытанном гроссмейстерском стиле: не рисковал без особой нужды, не шел на обостренные позиции, предпочитал сосуществовать на ничью, неслись бросаться в полководец маинских, но немалым осложнением. Он пришел к первому месту, имея больше всех ничьих, но зато без единого проигрыша. Эта победа — крупнейшее достижение Липницкого. По собственному его признанию, это результат долгой и упорной работы в советских мастерах.

На пол-очка остался следом Василий Смыслов. Он всегда приходил на турнир с отцом и вместе с ним же уезжал домой, выиграв очередную партию.

Василия Смыслова, 19-летнего космополита, студента Московского академического института, хорошо знали и до чемпионата почти все мастера. Они встречались с ним, давая саласы одиозной игры в Доме пионеров. Желтозловский мальчик всегда выигрывал у них. Играл он с караганом и бжожком в руках, тавтологично запоминая каждый ход партии. А тот, как говорят, он разбирает ход игры с отцом, некогда одним из сильных перекатегориров. Петров Смыслов не по летам серьезно и методично. Он обладает чудесным даром понимания всех нюансов позиции. Когда нужно, он комбинирует, бросается на осложнения, смело и решительно преодолевая волновые моменты. Он очень хорошо знает современную теорию. Сильна игра Смыслова в эндшпиль, очень разноразноб. Он молниеносно реагирует Бондаревского, с удивительной выдержкой вел сложную маневренную борьбу с Ботвинником, смело похотривал

Итак, чемпионат окончен. Вот стоит рядом, держа лавры победителя. Липницкого и несколько изумительным высказыванием называемым «естественно» лидер турнира Бондаревский. Рядом, справа, сияет не совсем очевидный с точки зрения зрителей юный Смыслов и Болеславский. Недалеко, но и в очень близкой от победителя — гроссмейстеры Ботвинник и Керес. Принят отказывать, после бесспорной победы Липницкого в окру-

жении Панова, Кристиановича, Максимова и Петрова. Хотя турнир закончен, все еще думает над ходом Липницкого. Рядом с ним Рагозин. Юный Столберг знает дело, противостоят в его возрасте. За это десятилетием является наиболее сильно несправданы в этом турнире гроссмейстеры Котин и Левенфиш. Петров, Мелева и Геретевичев обсуждают какую-то серьезную проблему. Валу — Рудковский.

фигуру Панова. Многообещающее дарование!

На четвертом месте гроссмейстер Павел Керес, чемпион Эстонской ССР, признанный всеми кандидат в чемпионы мира. Удачно или неудачно сыграл он в заключительном чемпионате?

Приведем его слова, сказанные уже после турнира:

— Я играю в советском турнире второй раз. Первый раз я приехал в Москву после турнира гроссмейстеров в Амстердаме. Занял там первое место, и считал, что в московском турнире, где играл рядом мастера, мне и делать нечего... И остался на 12-м месте!

В 12-м чемпионате я играл в полную силу и, как видите, получил хороший результат. Если дело пойдет таким образом и дальше, то в следующем чемпионате...

Но кто знает, кто ожидает гроссмейстера в следующем чемпионате? Возвращаясь к таблице, мы видим на 5-6-м местах, в соседстве с Ботвинником, диапретическим вулкана-космополита Болеславского. В 1936 году он играл в школьных турнирах, в 1937 году стал чемпионом области, а спустя год товарищи по школе поздравляли его с выигрышем шахматного первенства всей Украины.

Сейчас Болеславскому 20 лет. Он яркий комбинационный игрок. Он смело идет на материальные жертвы, чтобы выиграть на доске головоломные осложнения и высказывает их хитроумной комбинацией. Куржко умеет он защищаться. Когда чемпион Украини «замыкается», он ставит грамотный противник для любого из сильнейших мастеров.

На 13-м месте мы видим 18-летнего Марка Столберга из Ростова на Дону. Он только в этом году окончил среднюю школу. Еще будучи школьником, он стал мастером и чемпионом города. В первом туре 12-го чемпионата он почувствовал среднюю школу. В дальнейшем выиграл у ряда мастеров, сделал ничью с Липницким, одно время шел по линии турнира. Интересную игру переживает сейчас советская шахматная культура. Еще не сошла «старая гвардия», в шахматы расцвете второе поколение мастеров, научившихся играть в шахматы только в последние годы, а уже и те и другие теснят третья смена мастеров, родившихся, выросших в годы советской власти.

РЕШЕНИЯ («СМЕНА» №№ 9—10)

Задача № 167 Н. Руберга.
1. С8—g2 Лg1: g2 2. a7—e8 Ф+ и т. д.
Задача № 168 Е. Бостра.
1. Фh2—h8 Лa3—e4 (5, 6, 7) 2. Лb2—d2 (6f, f2, e2) + и т. д.
Задача № 169 С. Лойда.
1. Кра4—a5 Кр~2. Сb1—f5.
Задача № 170 С. Лойда.
1. Лf3—f6 Сd8—e7. Если 1... Сd8—e7, то 2. Лf6—d6; 2. Лf6—d6 С. Лf3. Лf3 и т. д.
Задача № 171 М. Канеля.
1. Лh8—h1 e7—g6 2. Лh1—h3 e7—e8.
3. Кf7: e6 и т. д.
Если 1... e7—e6, то 2. Сd7: e6 g7—g6

3. Сe5—h2
Задача № 172 С. Лойда.
1. Ла2—f2 a5—a4 2. Крc1—d2 a4—a3
3. Лf1—e1 4. Крd2—e1 и т. д.
Задача № 173 Г. Лаберава.
1. Фe6—f4.
Задача № 174 А. Малинина.
1. f2—f4.
Задача № 175 В. Миронова.
1. Сb8—e7.
«Его не заметил Петров?»
Белым следовало сыграть 35. Лd8! Если теперь Фd1 +, то 36. Сf1 Ф: g4 37. Лg8 +! Крf6 (плохо Кр: f6) — 38. Лf8 + Крf5 39. f4 + Крf5 40. Сh3 + и выигрывает.

Ответственный редактор М. Г. Осипов.

Сдано в набор 7/IX 1940 г. Подписано к печати 18/ХI 1940 г. А 32424.

Изд. № 1073. М. Фейгин.

Формат 72×100 см. 4 п. л. 98 000 экз. в печ. д. Зак. 3505. Тираж 4000.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

ЦЕНА 1 РУБЛЬ

